

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

5

КАРЛ МАЙ

Карл Май

Из Багдада в Стамбул

OCR Ustas, ReadCheck Natalia

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153271

Май К. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 5: Из Багдада в Стамбул:

Роман : ТЕРРА-Книжный клуб; Литература; Москва; 2001

ISBN 5-275-00148-7, 5-275-00197-5

Аннотация

Карл Май (1842-1912), последний великий мистик немецкой литературы, до сегодняшнего дня остается у себя на родине в Германии одним из наиболее читаемых авторов. Все свои произведения он написал сидя дома, но вот уже несколько десятков поколений читателей не оставляют равнодушными вышедшие из-под его талантливого пера образы гордых, бесстрашных индейцев, так неотразимо сыгранных Гойко Митичем в экранизациях романов К. Мая.

В Собрание сочинений включены не только известные романы писателя, но и произведения, впервые переведенные на русский язык. Среди них и роман «восточного цикла», вошедший в пятый том – «Из Багдада в Стамбул».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	88
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Карл Май

Из Багдада в Стамбул

Глава 1

СРЕДИ РАЗБОЙНИКОВ

К югу от великих пустынь Сирии и Месопотамии лежит, окруженный Персидским заливом и Красным морем, Аравийский полуостров, далеко выдающийся в беспокойное арабско-индийское море. С трех сторон эти земли обведены тонким, но исключительно «плодотворным» пояском побережья, переходящим в пустынные плоскогорья, которые прерываются местами непроходимыми скальными скоплениями, особенно в районе безжизненных гор Шаммара.

В древности земли эти именовались Аравия Петреа, Аравия Десерта и Аравия Феликс – то есть Каменная, Пустынная и Счастливая Аравия. Когда некоторые географы утверждают, что слово «петреа» восходит к греко-латинскому корню, означающему «камень», «скала», и потому именуют эту часть Аравии «каменной», они основываются на ложных положениях; скорее всего, это имя восходит к древней Петре, бывшей столицей северной провинции страны. Араб называет свою родину Джезират-ул-Араби – Арабский Остров,

Араби́стан. А сегодня местные жители используют свои собственные названия – и каждое племя называет ее по-своему.

Над этой страной всегда яркое голубое небо, с которого ночью светят чистые большие звезды; через горные ущелья и не исследованные до сих пор песчаные плоскогорья скачут полудикие сыны пустыни на сильных и красивых лошадях или неутомимых верблюдах. Они видят и слышат все, ибо со всем миром они пребывают в вечном споре, только со своими соплеменниками поддерживают мир.

От одной границы до другой веет здесь ароматный, иногда приправленный дымком ветер вечной поэзии, встречающий любого странника, отважившегося пуститься в столь долгий путь. Так уж случилось, что с древних времен рождалось в этих краях множество поэтов, чьи песни передавались изустно и с помощью грифеля были сохранены для грядущих поколений. Родоначальником настоящих арабов считают Иоктана, сына Евера, потомки которого населяли огромные пространства до Персидского залива. Теперь многие племена почитают за счастье вести свой род от Исмаила.

Этот Исмаил пришел когда-то в Мекку со своим отцом Ибрахимом и возвел там священную Каабу. Среди верующих особенно почитаются сейчас колодец Земзем и упавший с неба черный камень. Сюда странствовали многие арабские племена, чтобы возвести здесь своих племенных богов и идолов и приносить им жертвы и дары. Поэтому Мекка стала для арабов тем же, чем Дельфы для греков и Иеруса-

лим для иудеев, — это место сбора рассеянных по огромным территориям номадов, которые затерялись бы в неведомых землях, не будь этой точки отсчета.

Поскольку Мекка была в распоряжении корайшитов, это племя и оставалось долгое время самым влиятельным в Аравии и вследствие этого самым богатым: ни один пилигрим из дальних земель не приходил сюда без какого-нибудь, пусть маленького, но подарка.

Один бедный человек из этого племени по имени Абдаллах (Раб Бога) умер в 570 году нашей эры, а через несколько месяцев, 20 апреля 571 года, выпавшего на понедельник, его вдова Амина родила мальчика, названного позже Мухаммедом. Вероятно, у мальчика раньше было другое имя.

Мальчику достались в наследство от отца лишь два верблюда, пять овец и абиссинская рабыня, потому как он попал под опеку своего дедушки Абдаль-Мутталиба, а после его смерти — двух дядьев — Зухайра и Абу Талиба. Но эти люди не могли о нем позаботиться, и он сам зарабатывал на хлеб, пася овец. Позднее он стал погонщиком верблюдов и носителем луков и колчанов — вот когда, наверное, и сформировался его воинственный дух.

В 25-летнем возрасте он попал в услужение к богатой купеческой вдове Хадидже и работал у нее с таким старанием и самоотверженностью, что она сделала его своим возлюбленным и взяла в мужья. Но богатство жены ему не пригодилось. Ибо торговцем и кузнецом он был только до 40-го

года жизни. Он стал много путешествовать вместе с иудеями и христианами, брахманами и огнепоклонниками, старательно изучая их религии. Он страдал от эпилепсии, а вследствие этого – от расстройства нервной системы, что приводило к частым галлюцинациям. Его религиозные мечтания не очень увязывались с этой болезнью. И вскоре он удалился в пещеру, расположенную неподалеку от Мекки, на горе Хаира. Здесь его посетили первые видения.

Круг верующих, образовавшийся возле него, состоял поначалу из его жены Хадиджи, его раба Саиба, двух мекканцев, Османа и Абу Бекра, и молодого пастушка Али, получившего позже имя Асадулла – Лев Бога – и ставшего несчастливейшим из героев ислама.

Этот Али родился в 602 году и был настолько близок Мухаммеду, что получил в невесты его дочь Фатиму. Когда пророк впервые ознакомил членов своей семьи со своим новым учением и спросил их: «Кто хочет принять новую веру?», все промолчали, только юный Али, в восторге от мощной поэзии только что прозвучавшего учения, закричал громко: «Я хочу, води меня!» Этого Мухаммед никогда не забывал.

Это был мужественный, удалый боец, и он много помог распространению ислама. Но после неожиданной смерти Мухаммеда, не оставившего на счет Али никакого распоряжения, звезда его закатилась, и халифом избрали Абу Бекра, тестя Мухаммеда. В 634 году второй тесть пророка, Омар, наследовал ему, а потом снова Осман, зять Мухаммеда. А его

в 656 году убил сын Абу Бекра. Али обвинили в организации этого убийства, и, когда его стали выдвигать от его группировки на выборах, большинство верующих его проигнорировали. Много лет боролся он за создание халифата и был убит в 660 году Абдуррахманом. Похоронили его в Куфе, и там стоит ему памятник. С этого времени идет трещина, разделившая мусульман на два противоборствующих лагеря – суннитов и шиитов. Эта трещина образовалась менее всего из-за идейных разногласий в исламском учении, а скорее, по вопросу наследования власти. Сторонники шиитов считают, что не Осман, Абу Бекр и Омар, а Али должен был взять власть как первый представитель пророка на земле. А дальнейшие их идейные расхождения в вопросах о быте, судьбе, вечности и так далее – не более чем мелочи в политической баталии.

Али оставил двух сыновей, Хасана и Хусейна. Первый был избран шиитами халифом, в то время как почитатели сунны провозгласили Муавию – основателя династии Омейядов. Он перенес резиденцию в Дамаск, сделал халифат наследственным институтом и еще при жизни назначил вместо себя своего сына Язида, зарекомендовавшего себя таким злодеем, что даже сами сунниты проклинали его в ужасе. Хасан не смог одолеть Муавию и принял яд в Медине в 670 году. Его брат Хусейн противился, как мог признанию Язида. Он останется навсегда героем одного из трагических эпизодов в истории ислама. Халиф Муавия держал руку на всех про-

винциях, и его наместники из всех сил ему помогали. Так, например, наместник в Басре под страхом смерти запретил жителям показываться на улицах после захода солнца. Вечером после обнародования этого приказа более двухсот человек были обнаружены за дверьми своих домов и немедленно обезглавлены; на следующий день число их оказалось меньше, а на третий день никто уже не показывался. Самым жестоким в этой плеяде был Хаджадж, наместник в Куфе, – его тирания стоила жизни 120 тысячам человек.

Еще пуще Муавии отличился его сын Язид. К тому времени Хусейн оказался в Мекке, где его нашли гонцы из Куфы и упростили поехать с ними. И он, на свою беду, отозвался на их призыв. С сотней приверженцев он отправился в Куфу, но город был уже занят врагами. Он занялся бесплодными переговорами. Продовольствие все вышло; вода испарилась от жаркого солнца; кони пали; глаза его спутников остекленели в преддверии близкой смерти. Напрасно призывал он Аллаха и пророков помочь ему и спасти людей. Ибо конец был уже предreshен. Убайдулла, военачальник Язида, напал на него у Кербелы, убил всех его людей, а его велел казнить: отрубил голову и, надев на копье, забрал с собой как военный трофей.

Это произошло 10 мухаррама – у шиитов это до сих пор день траура. От Борнео до Персии мусульмане чтят память Хусейна. А в Кербеле в этот день происходит драматическое представление, восстанавливающее в деталях события того

трагического времени.

Такое небольшое историческое введение необходимо нам для того, чтобы лучше понять дальнейшее повествование.

У Заба мы приняли решение ехать вдоль реки к ширбанским, а затем к зибарским курдам. Вплоть до ширбани мы получали рекомендации бея Гумри и Мелека в Лизане, потом же надеялись на новую поддержку. Ширбани приняли нас гостеприимно, а вот зибари проявили отнюдь не дружественные чувства; но мне позже удалось заручиться их поддержкой.

Мы благополучно добрались до реки Акры, но тут натолкнулись на такое, мягко говоря, нерасположение местных горных племен, что дальше на юг двигались уже не так беззаботно, как раньше. Мы перебрались через Заб восточнее Чара-Сурта, оставили слева Пир-Хасан, не удостоив своим присутствием тамошних курдов, пошли вдоль Джебель-Пир-Мама на юго-восток, потом по дуге завернули направо, чтобы где-то между Диялой и Малым Забом выйти к Тигру. Мы надеялись, что нас дружелюбно примут арабы джабур и дадут надежные ориентиры для дальнейшего продвижения. Но узнали, к нашему великому разочарованию, что они объединились с обеидами и бени-лам, чтобы все племена в междуречье Тигра и Тартара почувствовали острия их копий. Шаммары дружили с обеидами, вернее, с одной из фирка (групп), шейхом которой был Эсла эльМахем, но этот человек мог

легко изменить свои привязанности, а о других фирка Мо-хаммед Эмин знал, что они враждебно относятся к хаддеди-нам.

Так, после долгих мытарств и подчас опасных стычек мы, наконец, достигли северных отрогов Загросских гор.

Опустился вечер, и мы расположились лагерем на опушке чинарового леса. Над нами расстился небосвод, такой красивый и чистый, как нигде в мире. Мы находились рядом с персидской границей, а воздух Персии считается непревзойденным по прозрачности и аромату. Звезды светили так ярко, что я, хотя луны не было, мог разглядеть стрелки своих часов на расстоянии трех шагов! Даже писать можно было при таком свете.

Чистота небосвода оказывала, наверное, воздействие на сознание, и я догадался, почему Персия стала родиной астрологии, этой незаконной дочери точной науки, открывающей нам светлые дали небес.

Расположение нашего лагеря вполне позволяло переночевать без сложностей под открытым небом. Днем нам удалось купить в одной хижине ягненка, и теперь мы разожгли огонь, чтобы поджарить мясо прямо в шкуре, а потом, уже поджаренное, разрезать на куски.

Наши лошади паслись поодаль. В последние дни они сильно переутомились, а отдохнуть возможности до сих пор не было. Что касается нас, то мы расслабились, за исключением одного человека. Это был сэр Дэвид, подхвативший местную

хворь.

Несколько дней назад у него началась лихорадка и держалась 24 часа. Потом снова пропала, но проявился еще один жуткий «подарочек» Востока – по-латыни звучащий как «фебрис алеппенсис», а по-французски – «маль д'Алеппо», или «алеппская шишка». Эта разновидность чумы, поражающая также кошек и собак, начинается с кратковременной лихорадки, после чего на лице, груди и ногах появляются нарывы, источающие жидкость. Они держатся целый год и оставляют после себя глубокие шрамы. Встречается эта болезнь, несмотря на свое итальянское название, и в Антиохии, и в Мосуле, и в Диярбакыре, и в Багдаде, а также в некоторых областях Персии.

Мне уже доводилось встречаться с этим недугом, но не в таких жутких масштабах, как у нашего мистера Линдсея. Мало того, что его распирали темно-красные опухоли, они превратили его нос, его бедный нос, в некое странное, огромных размеров и невероятной раскраски образование на лице. Наш англичанин переносил это унижение отнюдь не с терпением и покорностью, которые ему приписывала его принадлежность к *very great and excellent nation*¹, а постоянно комично выражал свой гнев и недовольство, что вызывало смех и одновременно сострадание всех.

И сейчас он сидел у огня и ощупывал обеими руками необъятный гнойник.

¹ Великая и прекрасная нация (англ.).

– Мистер! – обратился он ко мне. – Взгляните!

– Куда?

– Гм. Глупый вопрос! На мою физиономию, естественно.

Yes. Вырос?

– Кто? Что?

– Дьявол... Да опухоль. Намного?

– Да уж. Напоминает огурец.

– All devils!² Просто кошмар какой-то. Yes!

– Наверное, через какое-то время станет похожа на Fowling Bull, сэр!

– Я сейчас отвешу вам пощечину, мистер! Если бы у вас была такая дуля на носу...

– А больно?

– Нет.

– Я и гляжу, что-то вы бодро выглядите.

– Бодро? Zounds!³ Как я могу выглядеть бодро, если эти люди думают, что у меня не нос, а табакерка. Сколько еще мне носить эту дулю?

– Не менее года, сэр.

Он округлил глаза, и в них выразился такой ужас, а рот открылся в таком немом крике, что мне стало его искренне жалко.

– Год? Целый год? Целых двенадцать месяцев?

– Около того.

² Тысяча чертей! (англ.)

³ Черт побери! (англ.)

- О! Ах! Horrible!⁴ Просто кошмар. А средства никакого нет? Пластыря? Мази? Удалить как-то?
- Нет, ничем не поможешь.
- Любая болезнь лечится.
- А эта – нет, сэр. Этот вид чумы не так опасен, но, если начать вмешиваться, пытаться разрезать, может стать хуже.
- Гм. А когда пройдет, что-то останется?
- По-разному бывает. Чем больше нарыв, тем глубже остается отверстие.
- My sky!⁵ Отверстие?
- Увы.
- Ну что за ужасные края! Чертова страна! Если бы я сейчас был в доброй старой Англии... Well!
- Наберитесь терпения, сэр!
- Для чего?
- Ну что бы сказали в доброй старой Англии, покажись там сейчас сэр Дэвид Линдсей с двумя носами сразу.
- Да, пожалуй, вы правы, мистер. Уличные мальчишки не дали бы мне прохода! Так и быть, останусь пока здесь и...
- Сиди, – прервал его Халеф. – Не оборачивайся!
- Я сидел спиной к лесу и тут же подумал, что маленький хаджи заметил что-то подозрительное.
- Что ты там узрел? – спросил я его.
- Пару глаз. Прямо сзади тебя стоят две чинары, а меж-

⁴ Ужас! (англ.)

⁵ О небо! (англ.)

ду ними куст дикой груши. Там-то и прячется человек, чьи глаза я заметил.

— Ты его еще видишь?

— Подожди!

Он так же беззаботно оглядел кустарники, а я тем временем проинструктировал остальных, чтобы вели себя так, как будто ничего не происходит.

— Вот он.

Я поднялся и сделал вид, будто ищу сухой валежник для костра. При этом отошел от лагеря на такое расстояние, чтобы меня не было видно. Потом я вошел в лес и стал пробираться между деревьями. Не прошло и пяти минут, как я очутился возле двух чинар и еще раз убедился, насколько остры глаза у Халефа. Между деревьями сидело на корточках некое существо человеческого вида, наблюдавшее за нашим лагерем.

Откуда оно взялось? Мы находились в местности, где ни одной деревни не было в радиусе многих миль. Правда, мелкие племена курдов враждовали между собой, и могло так статься, что какое-то персидское пастушье племя пересекло границу, чтобы заняться разбоем. Такого здесь сколько хочешь.

Нужно было быть осторожным. Я незаметно подобрался к человеку сзади и взял его за шею. Он так испугался, что застыл как в ступоре, совершенно не сопротивляясь, когда я вел его к костру. Там я положил его лицом вниз и потянулся

к кинжалу.

– Не двигайся, человек, иначе я тебя проткну! – пригрозил я.

Я не собирался приводить свою угрозу в действие, однако чужак воспринял ее всерьез и умоляюще сложил руки:

– Господин, пощади!

– Это зависит от тебя. Если солжешь мне, пеняй на себя. Кто ты?

– Я турок из племени беджат.

Турок? Здесь? Судя по его одежде, он сказал правду. Я знал, что раньше турки жили на пространствах между Тигром и персидской границей, и он вполне мог быть из племени беджат. Пустыня и горы Тапеспи были ареной их деяний. Но когда Надир-шах захватил Багдад, он перетащил беджат в Хорасан. Он назвал эту провинцию из-за ее положения и значения «Мечом Персии» и приложил все усилия, чтобы заселить ее мужественными, воинственными жителями.

– Беджат? – спросил я. – Ты лжешь.

– Я говорю правду, господин.

– Беджат живут не здесь, а в далеком Хорасане.

– Ты прав, но после того как однажды они вынуждены были покинуть эту область, некоторые вернулись, а их потомки так расплодились, что насчитывают более тысячи воинов. У нас летняя стоянка в районе развалин КизельКараты и на берегах реки Куру-Чай.

Мне приходилось об этом слышать.

– А сейчас вы располагаетесь где-то поблизости?

– Да, господин.

– А сколько у вас палаток?

– У нас нет палаток.

И это мне было известно. Когда племя номадов оставляет лагерь, не забирая с собой палаток, это означает грядущий военный поход или грабительский набег.

Я задал еще вопросы:

– Сколько у вас мужчин на сегодня?

– Двести.

– А женщин?

– Среди нас их нет.

– Где ваш лагерь?

– Недалеко отсюда. Если обойти вон тот край леса, как раз придешь к нам.

– Вы заметили наш костер?

– Да, мы его увидели, и хан послал меня узнать, что за люди там.

– А куда вы направляетесь?

– На юг. Мы идем в область Зинна.

– Это же персидская территория!

– Да. У наших друзей там праздник, и мы приглашены.

Такая ситуация мне тоже уже встречалась. У этих беджат действительно резиденция на берегах Куру-Чая и у развалин Кизель-Караты, то есть вблизи Кифри; но этот город лежит далеко на юго-запад от нашего сегодняшнего лагеря, в

то время как Зинна лежит в том же направлении, на треть этого расстояния ближе. Зачем беджат понадобилось делать такой крюк, а не идти прямо из Кифри в Зинну?

– Что вы здесь, на севере, делаете? – спросил я. – Зачем вдвое удлинители свой путь?

– Затем, чтобы не проходить по землям паши Сулеймани, он ведь наш враг.

– Но ведь и это его земля!

– Здесь он никогда не бывает. Он знает, что мы идем, и надеется обнаружить нас на юг от своей резиденции.

Это звучало вполне убедительно, хотя полного доверия к его словам я не испытывал. Я сказал себе, что встреча беджат нам на руку. Под их защитой мы можем добраться беспрепятственно до Зинны, а уж там нам нечего опасаться.

Турок прервал мои мысли вопросом:

– Господин, ты меня отпустишь? Я ведь вам ничего плохого не сделал!

– Ты делал лишь то, что тебе приказывали. Свободен. Он облегченно вздохнул.

– Благодарю тебя, господин. Куда направлены головы твоих лошадей?

– На юг.

– Вы идете с севера?

– Да, мы идем из земель курдов тиджари, бервари и халдани.

– Тогда вы мужественные люди. А к какому племени вы

принадлежите?

– Этот мужчина и я – эмиры из Франкистана, а остальные – наши друзья.

– Из Франкистана! Господин, может, пойдем вместе?

– А твой хан подаст мне руку дружбы?

– Конечно. Мы знаем, что франки великие воины. Я могу пойти и известить его о вас?

– Иди и спроси у него, примет ли он нас.

Он поднялся и убежал. Мои спутники выразили свое согласие с моим решением, а особенно Мохаммед Эмин.

– Эфенди, – сказал он, – я много слышал о беджатах. Они живут в постоянных стычках с джабурами, обейдами и бени-лам и потому могут быть нам полезными. И, тем не менее, нам лучше не говорить, что мы хаддедины, пусть они остаются в неведении.

– Во всяком случае, нужно сохранять осторожность, ибо мы еще не знаем намерения хана. Подведите коней поближе и приготовьте оружие, надо быть готовыми ко всему!

Беджата советовались очень долго, поскольку, покуда они дали хоть один знак о себе, наш ягненок полностью зажарился и был разрезан. Наконец мы услышали шаги. Уже знакомый нам турок привел с собой троих товарищей.

– Господин, – заявил он, – хан послал меня к тебе. Ты приглашен к нам. Добро пожаловать.

– Так веди нас!

Мы вскочили на лошадей и последовали за ними, держа

ружья наизготовку. Проехав край леса, мы так и не заметили никакого лагеря, но вот позади густых зарослей показалась обнесенная изгородью площадка, посреди которой горел большой костер. Надо признать – место было выбрано с умом.

Огонь служил не для обогрева, а для приготовления пищи. Двести темных фигур лежали поодаль в траве, а в некотором отдалении от них сидел и сам хан, который при нашем приближении медленно поднялся. Мы подскружили прямо к нему, и я спрыгнул на землю.

– Мир тебе! – приветствовал я его.

– И я приветствую вас! – Он слегка поклонился нам.

Он говорил по-персидски. Наверное, хотел этим доказать, что он действительно беджат, главное племя которого живет в Хорасане. Перс – француз Востока. Его язык гибок и благозвучен, поэтому-то и принят при дворах многих азиатских правителей. Но льстивая, раболепная сущность характера персов не оказывала на меня заметного действия, прямая честность арабов мне больше импонировала.

Остальные тоже спешили, и десятки рук потянулись с готовностью, чтобы принять наших лошадей.

Но мы не выпускали поводья из рук, ибо не знали, чем кончится эта встреча.

– Отдай им лошадей, они позаботятся о них, – сказал хан. Но мне нужны были гарантии безопасности. Поэтому я спросил по-персидски:

– Ты обещаешь, что ничего не произойдет? Он кивнул и поднял руку.

– Обещаю. Садитесь, и давайте поговорим.

Беджат забрали лошадей, только мой жеребец остался у Халефа, который лучше других знал мои вкусы и настроение. Мы подсели к хану. Пламя ровно освещало всех нас. Хан был мужчина средних лет, воинственной наружности. Но лицо у него было открытым и выразительным, а то состояние, на котором держались его подчиненные, говорило о почтении и уважении к нему.

– Знаешь ли ты мое имя? – поинтересовался он.

– Нет, – признался я.

– Я – Хайдар Мирлам, племянник знаменитого Хасана Керкуш-бея. Слышал о нем?

– Да. Он жил вблизи деревни Дженка, на почтовой дороге из Багдада в Таук. Он был храбрый воин, но мир любил больше, чем войну, и любой беженец мог найти у него убежище.

Хан назвал мне свое имя, и этикет не позволял мне скрывать свое. Поэтому я произнес:

– Твой разведчик уже сообщил тебе, что я из франков. Меня зовут Кара бен Немей...

Прославленная восточная сдержанность не помогла ему сдержать возглас удивления:

– А! Ох! Кара бен Немей! А тогда мужчина с красным носом – эмир из Инглистана, который охотился за письменами

и камнями?

– Ты о нем слышал?

– Да, господин. Ты мне называл только имя, а я уже знаю все о тебе и о нем. Ведь маленький человечек, который держит под уздцы твою лошадь, – хаджи Халеф Омар, перед которым трепещут даже рослые мужчины?

– Ты угадал.

– А кто два других?

– Это мои друзья, они спрятали свои имена в Коран, то есть хотят остаться неизвестными. Кто тебе про нас рассказывал?

– Ты знаешь такого Зедара бен Ули, шейха племени абухаммед?

– Да. Он твой друг?

– Он мне не друг и не враг. Тебе не надо беспокоиться, я его на тебя не натравлю.

– А я и не боюсь.

– Я верю тебе. Я встретил его в Кифри, и он поведал мне, что ты виновен в том, что он должен платить дань.

Будь осторожен, господин! Он хочет тебя убить, если ты попадешь к нему в лапы.

– Я уже был у него в руках, но он меня не убил; я был пленным, но он не смог меня удержать.

– Я слышал об этом. Ты убил льва – в одиночку и в абсолютной тьме – и с его шкурой ускакал. Да и мне тебя, верно, не удержать, будь ты моим пленником...

Это прозвучало подозрительно, но я спокойно ответил:

– Ты бы не смог меня удержать, да и не представляю, как бы ты меня захватил в плен.

– Господин, нас двести, а вас всего пятеро!

– Хан, не забывай, что два эмира из Франкистана стоят двух сотен беджат!

– Ты слишком горд!

– А ты не вполне гостеприимен. Могу ли я верить всем твоим словам, Хайдар Мирлам?

– Вы мои гости. Хотя я и не знаю имен этих двух людей, можете разделить со мной хлеб и мясо.

Многозначительная ухмылка тронула его губы, а взгляд, брошенный на обоих хаддединов, многое мне сказал. Мохаммеда Эмина по его окладистой посеребренной бороде несложно было узнать...

По знаку хана принесли несколько четырехугольных кожаных скатерок. На них нам подали хлеб, мясо и фиги, а когда мы насытились, предложили табак для трубок, и сам хан поднес огонька. Только сейчас мы могли считаться его гостями, и я дал знак Халефу отвести моего жеребца к остальному табу. Он выполнил это поручение и занял место рядом с нами.

– Какова же цель ваших странствий? – поинтересовался хан.

– Мы скачем в Багдад, – отвечал я осторожно.

– А мы движемся в Зинну, – заметил он. – Хотите ехать

с нами?

– А ты позволишь?

– Я буду рад видеть вас рядом с собой. Поехали, и дай мне твою руку, Кара бен Немей! Мои братья станут твоими братьями, а мои враги – твоими.

Он протянул мне руку, и я пожал ее. Он проделал то же самое со всеми, кто был со мной, и люди искренне радовались тому, что нашли столь неожиданно друга и защитника в лице хана. Позже нам пришлось раскаяться в этих чувствах. Нет, беджат не замышлял зла против нас, однако знакомство с нами собирался использовать в своих корыстных целях.

– Какие племена встретятся нам по дороге в Зинну? – поинтересовался я.

– Здесь ничейная земля, то одно, то другое племя пасет здесь стада, тот, кто сильнее, остается.

– А к какому племени приглашены вы?

– К джиаф.

– Тогда радуйся, ибо джиаф – самые сильные во всей стране. Шейхи Исмаилии, Зенчене, Кала-Чалана, Келхора и Холлани опасаются его.

– Эмир, а ты когда-нибудь уже бывал здесь?

– Нет.

– И, несмотря на это, ты осведомлен обо всех племенах этой области!

– Не забывай, что я франк!

– Да, франки все знают, даже то, что сами не видели. Ты

и о племени беббе слышал?

– Да. Это самое богатое племя во всей округе, а деревни и палатки у него в окрестностях Сулеймании.

– Ты хорошо информирован. А у тебя есть враги или друзья среди них?

– Нет, мне еще не доводилось встречаться ни с одним беббе.

– Думаю, вы с ними познакомитесь.

– А вы их встретите?

– Вполне возможно, хотя мы бы с удовольствием избежали встречи.

– Ты хорошо знаешь дорогу на Зинну?

– Да, знаю.

– Далеко это?

– Тот, у кого есть хорошая лошадь, доберется туда за три дня.

– А до Сулеймании далеко?

– Двух дней будет достаточно.

– Когда вы утром снимаетесь?

– С рассветом. Хочешь идти отдыхать?

– Как у вас принято.

– Воля гостя закон в лагере, а вы уже устали, я вижу, ведь вы отложили трубки. И даже Амасдар, человек с нарывом, смежает глаза. Я желаю вам доброй ночи.

– У беджат хорошие обычаи. Разрешите нам расстелить свои покрывала.

– Воля ваша, делайте, что хотите.

По его знаку ему принесли коврики, из которых он сам соорудил себе ложе. Мои спутники тоже удобно устроились. Я же пропустил лассо через седло моего коня, конец лассо привязал к руке и улегся за пределами лагеря. Таким образом, мой вороной мог попасться, а я был спокоен, тем более что меня сторожила еще и моя собака.

Прошло какое-то время.

Я еще не успел смежить глаза, как почувствовал, что ко мне кто-то подходит. Это был англичанин со своими обоими покрывалами. Он улегся рядом.

– Хорошенькое знакомство, однако, – произнес он. – Сиди тут, не понимая ни слова! То ли переведут, то ли нет. А потом как обухом по голове огорошат чем-нибудь. Нет уж, спасибо.

– Простите, я о вас совсем забыл!

– Забыть меня! Или вы совсем ослепли, или я такой маленький?

– Да уж, вас сложно сейчас не заметить, особенно с таким маяком на физиономии. Итак, что вам угодно знать?

– Все! Все, кроме упоминаний о маяке, мистер! Что вы обсуждали с этим, как его, шейхом или ханом?

– Я все ему объяснил.

– Well. Это подходит нам?

– Да, три дня чувствовать себя в безопасности – это что-то да значит.

– Вы сказали – в Багдад? В самом деле, мистер?

– Это было бы самым лучшим вариантом, но, наверное, номер не пройдет.

– Почему же?

– Нам нужно возвращаться к хаддединам, потому как ваши слуги еще там, а потом мне трудно расстаться с Халефом. По меньшей мере, я оставлю его не раньше, чем он окажется подле своей белой молодой женщины.

– Правильно! Yes. Храбрый парень. Потянет на десяток тысяч фунтов. Well! Но нам с ним не по пути.

– Почему?

– Из-за Fowling Bulls.

– О, древности можно найти и у Багдада, например, в развалинах Хиллы. Там стоял Вавилон, и сохранилось множество руин на площади в несколько миль, хотя Вавилон не такой большой, как Ниневия.

– О! Скакать в Хиллу?

– Пока об этом речи нет. Главное пока – достичь Тигра. Остальное приложится.

– Отлично. Мы выступаем? Good night!

– Доброй ночи.

Добряк Линдсей не подозревал, что мы окажемся в тех местах, но при совершенно иных обстоятельствах. Он замotalся в свое покрывало и вскоре громко захрапел. Заснул и я, заметив, правда, как четверо из беджат подошли к лошадям и ускакали в ночь.

Когда я проснулся, день уже занялся и часть турок занимались своими лошадьми. Халеф, тоже уже на ногах, видел, как и я, что четверо уехали ночью, и не преминул сообщить мне об этом. Затем он спросил:

– Сиди, зачем они отослали посыльных, если так честно повели себя с нами?

– Я не думаю, что эти четверо что-то замыслили против нас. Мы и так в его власти, чтобы ему что-то придумывать еще. Не бери в голову, Халеф!

Я рассудил, что всадники из-за того, что местность опасна для передвижения, выслали вперед разведчиков, и оказался прав, как понял позже из разговора с Хайдаром Мирламом.

После весьма скудного завтрака, состоявшего из одних лишь фиг, мы тронулись в путь. Хан разделил своих людей на несколько отрядов, следовавших друг за другом на удалении четверти часа. Это был умный, осмотрительный человек, который по-настоящему заботился о безопасности своих людей. Мы скакали без отдыха до полудня. Когда солнце оказалось в зените, мы остановились, чтобы дать отдых лошадям. Во время скачки мы ни разу не встретили людей, а на деревьях, кустарниках и даже на земле находили особые значки, указывавшие нужное направление.

Это направление представляло для меня загадку.

Зинна находилась на юго-востоке от нашего вчерашнего места отдыха, но мы скакали почти прямо на юг.

– Ты ведь едешь к джиаф? – напомнил я хану.

– Да.

– Это странствующее племя находится сейчас в районе Зинны?

– Да.

– Но если мы и дальше так поедem, мы не придем в Зинну, а окажемся в Бане или даже в Нвейзгие?

– Ты хотел бы ехать без приключений?

– Само собой!

– Мы тоже. Именно поэтому было решено обойти вражеские племена. Сегодня до вечера нам еще придется быстро скакать, потом можно сбавить темп, а утром посмотрим, свободна ли дорога на восток.

Такое объяснение меня не очень-то удовлетворило, но мне нечего было возразить, и я промолчал. После двухчасового отдыха мы вновь тронулись в путь. Мы скакали действительно весьма споро, и я заметил, что передвигаемся мы зигзагами: имелось несколько населенных пунктов, которые наши разведчики старательно пытались избежать.

К вечеру мы подошли к ложбине, которую предстояло пересечь. Я находился рядом с ханом в первом отряде. Мы уже почти проехали это место, когда вдруг натолкнулись на всадника, и его растерянный вид свидетельствовал о том, что он не ожидал встретить здесь чужаков. Он отвел лошадь в сторону, опустил длинное копьё и приветствовал нас:

– Салам!

– Салам! – ответил хан. – Куда лежит твой путь?

– В лес. Я хочу добыть горную овцу.

– К какому племени ты относишься?

– Я беббе.

– Вы оседлые или странствуете?

– Зимой мы оседаем на месте, а летом уводим стада на пастбища.

– Где ты живешь зимой?

– В Нвейзгие, на юго-востоке отсюда. За час можно добраться. Мои спутники встретят вас с миром.

– Сколько у вас мужчин?

– Сорок, а при других стадах еще больше.

– Дай мне твое копье.

– Зачем? – озадаченно спросил всадник.

– И твое ружье.

– Зачем?

– И твой нож. Ты мой пленник!

– Машалла!

Этот крик был выражением ужаса. Но в тот же момент он проявил себя с неожиданной стороны – вскочил на лошадь, обхватил ее за шею и рванулся в сторону.

– Поймай меня! – услышали мы крик удаляющегося всадника.

Хан вскинул на руку ружье и прицелился в бегущего. Я едва успел толкнуть его в бок, как грянул выстрел. Понятно, пуля не достигла цели. Хан замахнулся на меня кулаком, но тут же взял себя в руки.

– Хьянгар! Предатель! Что ты сделал?! – гневно вскричал он.

– Я не предатель, – спокойно ответил я. – Просто не хочу, чтобы ты брал на себя чужую кровь.

– Он должен был умереть! Если он ускользнет, мы все за это заплатим.

– А ты бы сохранил ему жизнь, если бы я его доставил тебе?

– Да, но тебе его уже не поймать.

– Тогда наберись терпения.

Я поскакал за беглецом. Он уже скрылся из глаз, но, миновав ущелье, я его заметил. Передо мной расстилась *поросшая белыми крокусами и* дикими гвоздиками равнина, по ту сторону виднелась темная полоска леса. Нельзя было дать ему добраться до леса – в этом случае он потерян.

– Вперед! – крикнул я своему вороному, положив руку ему между ушей.

Доброе животное давно уже не скакало в полную силу, и по моему особому знаку конь радостно взвился над землей, как будто отдыхал неделю. Через две минуты я был всего в двух корпусах от беббе.

– Стой! – крикнул я ему.

Этот человек обладал завидным мужеством. Вместо того чтобы спастись, он развернул лошадь ко мне мордой. В следующее мгновение мы неминуемо сшиблись бы. Я видел, как он поднял копье и ухватился за легкое древко. И тут он бук-

важно на дюйм отодвинул лошадь в сторону. Мы проскочили друг друга; острое его копья было нацелено мне в грудь; я парировал его удар и развернул коня. Тут он выбрал новое направление для бегства. Почему же он не применил ружье? Да и лошадь у него была прекрасная, она бы позволила стрелять прямо с седла. Я снял с луки лассо, намотал конец на руку и сделал скользящую петлю из крепкого ремня. Он обернулся и заметил, что я приближаюсь. Он наверняка не знал, что такое лассо, и какое это опасное оружие в умелых руках. Копью он больше не доверял, а взялся за свое длинноствольное ружье – уж пулю-то мне отбить не удастся. Я прикинул на глазок расстояние и в нужный момент бросил ремень. Едва успев поставить коня боком, я почувствовал мощный рывок, за ним – крик. Беббе лежал на земле со стянутыми руками. Мгновение спустя я стоял над ним.

– Ну, удалось тебе убежать?

Мой вопрос при сложившихся обстоятельствах прозвучал как насмешка. Он безуспешно попытался высвободить руки и гневно прошипел:

– Бандиты!

– Ты заблуждаешься, я не разбойник, но ты поедешь со мной!

– Куда?

– К хану беджат, от которого ты убежал.

– Беджат? Значит, люди, от которых я пытался скрыться, относятся к этому племени? А как зовут хана?

– Хайдар Мирлам.

– О, теперь я все понял. Аллах покарает вас за воровство и мошенничество!

– Не бранись понапрасну, я обещаю тебе именем Аллаха, что ничего не случится.

– Я в твоих руках и подчиняюсь тебе.

Я забрал у него из-за пояса нож, подобрал с земли копье и ружье, попадавшие, когда он слетел с лошади. Потом развязал ремень и сел на лошадь. Он и не помышлял бежать, сев на лошадь, и заявил:

– Я верю твоему слову. Поехали!

Мы поскакали бок о бок назад и на выезде из низины встретили беджат, которые нас там поджидали. Когда Хайдар Мирлам увидел пленника, его мрачное лицо прояснилось:

– Господин, ты действительно его поймал!

– Как и обещал. Но дал слово, что с ним ничего не произойдет. Вот его оружие.

– Позже ему все вернут, а пока свяжите его, чтобы он снова не убежал!

Приказ был тут же выполнен. Тут как раз подошел второй наш отряд, и пленника передали им с наказом охранять и хорошо обращаться.

Поход возобновился.

– Как тебе удалось его поймать? – спросил хан.

– Я поймал его, – коротко ответил я, – потому как был

огорчен поведением хана.

– Господин, ты сердишься, – сказал он, – но ты еще узнаешь, почему я так поступил.

– Надеюсь!

– Этот мужчина не должен распространять известие о том, что беджат поблизости.

– А когда ты егопустишь?

– Когда это будет для нас безопасным.

– Не забудь, что это моя добыча. И я должен сдержать данное ему слово.

– А что бы ты сделал, поступи я иначе?

– Я бы тебя просто...

– ...убил? – прервал он меня.

– Нет. Я ведь франк, а значит, христианин: я убиваю человека лишь в том случае, если он угрожает моей жизни. Нет, я бы не убил тебя, я бы прострелил тебе руку, которой ты скрепил свое обещание дружбы. И эмир беджат оказался бы, как ребенок, не в состоянии держать даже кинжала, или как старая женщина, к голосу которой никто уже не прислушивается.

– Господин, если бы это мне сказал кто-то другой, я бы посмеялся. Но тебе я доверяю безгранично.

– Да, это мы бы сделали! Среди нас нет ни одного, кто боялся бы твоих воинов.

– И Мохаммед Эмин? – спросил он смеясь.

Я понял, что моя тайна раскрыта, но не подал вида и от-

ветил:

– И он тоже.

– И Амад эль-Гандур, его сын?

– А ты от кого-нибудь слышал, что он трус?

– Никогда. Господин, если бы вы не были мужчинами, я бы ни за что не принял вас к себе, поскольку мы ходим дорогами, полными опасностей. И я хочу, чтобы мы их благополучно миновали.

Приближался вечер, и, прежде чем стало совсем темно, мы подошли к ручью, выбегавшему на равнину из лабиринта скал. Там уже обосновались четверо беджат, выехавшие раньше нас. Хан спешился и пошел к ним, они долго о чем-то шептались. Что это были за секреты, важные лишь для них одних? Наконец он отпустил их. Один из них прошел вперед, в скальный лабиринт. Мы повели лошадей под уздцы по ущелью и, наконец, вышли к округлому пространству, которое как ничто годилось для лагеря из 200 человек и их лошадей.

– Мы остаемся здесь? – спросил я.

– Да, – отвечал Хайдар Мирлам.

– Но не все.

– Только сорок человек. Остальные заночуют по соседству.

Такой ответ меня удовлетворил; меня лишь удивило, что, несмотря на столь безопасное место лагеря, не разводили огонь. Это заметили и мои спутники.

– Милое местечко! – сказал Линдсей. – Как арена. Не так ли?

– Похоже.

– Но довольно влажное место. Почему бы не разжечь костер?

– Сам не знаю. Наверное, рядом курды.

– Ну и что? Нас никто не увидит. Не нравится мне все это.

Он бросил подозрительный взгляд на хана, который, специально отойдя подальше от нас, разговаривал со своими людьми. Я подсел к Мохаммеду Эмину, только и ждавшему этого момента, чтобы задать мне вопрос:

– Эмир, сколько мы еще пробудем с этими беджатами?

– Сколько тебе захочется.

– Если ты не возражаешь, мы завтра их покинем.

– Почему именно завтра?

– Человек, который скрывает правду, не может быть надежным другом.

– Ты считаешь, что хан – лжец?

– Нет, почему... Но я считаю, что он не все говорит, что думает.

– Он узнал тебя.

– Я знаю, я понял это по его глазам.

– И не только тебя, но и Амада эль-Гандура.

– Это несложно, ибо мой сын похож на отца.

– Это тебя озаботило?

– Нет. Мы ведь гости беджата, они нас не предадут. Но за-

чем они держат этого беббе?

– Чтобы он не выдал нашего местонахождения.

– А какая здесь опасность, эмир? Чего бояться двум сотням хорошо вооруженных всадников, у которых нет при себе никакой обузы в виде женщин, повозок с детьми и больными, ни стад, ни палаток?.. В какой области мы сейчас находимся, эфенди?

– Мы в области беббе.

– А он хотел к джиаф? Я заметил, что мы все время скачем после обеда. Почему он разделил людей на два лагеря? Эмир, у этого Хайдара Мирлама два языка, хотя он хочет казаться честным. Если мы утром от него отколемся, куда мы двинемся?

– Горы Загрос окажутся у нас слева. Столица района Бане совсем близко, я так полагаю. Если идти дальше, можно добраться до Ахмадабада, Биджи, Сурина и Байендере. За Ахмадабадом начинается дорога, точнее, тропа, которая через ущелья и долины ведет к Киззельзи, там холмы Гирзе и Серсира окажутся справа, равно как и голые вершины Курри-Казхафа; если удастся, выйдем на две реки – Бистан и Кала-Чолан, которые соединяются с Киззельзи и текут в озеро Кюпри. И тогда мы будем в полной безопасности. Это самый удобный путь.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я, будучи в Багдаде, беседовал с одним курдом-бильба, который так хорошо описал мне эту местность, что я сам

смог подготовить карту. Я тогда не предполагал, что она мне пригодится, но на всякий случай все же перерисовал в свою записную книжку.

– И ты думаешь, будет самым надежным выбрать именно этот путь?

– Я зарисовал и другие места, горы и реки, но считаю, что этот путь – лучший. Мы могли бы, конечно, проехать в Сулейманию или в Зинну через Мик и Довейзу. Но вот уж не знаю, как нас там примут.

– Так что остается по-старому? Мы отрываемся завтра от беджат и идем через горы к озеру Кюпри? Карта не подведет?

– Нет, если меня не подвел сам бульбасси.

– Ну ладно, давай спать. Пусть беджат делают, что им угодно.

Мы напоили лошадей в ручье и побеспокоились о корме. Тем временем все улеглись, а я пошел к хану.

– Хайдар Мирлам, а где остальные беджат?

– Поблизости. А что ты спрашиваешь?

– С ними пленный беббе, я хочу его видеть.

– Зачем он тебе?

– Это мое дело, ведь он мой пленник.

– Он не твой, а мой пленник, ведь ты передал его мне.

– Не будем об этом спорить, я просто хочу посмотреть, как он там.

– Ему там хорошо. Если Хайдар Мирлам говорит, значит, так оно и есть. Не тревожься о нем, господин, садись-ка ко

мне поближе и давай перекурим.

Я послушался его, чтобы не навлекать подозрений, но вскоре снова покинул его и улегся спать. «Почему мне не дали взглянуть на беббе? Обращаться с ним должны хорошо, — думал я, — ведь его охраняло слово хана». Но что-то было не так, чего я не мог уловить даже своим обостренным чутьем. Я решил утром пораньше, пусть даже с риском для жизни, освободить беббе и потом уехать. С этим и заснул.

Когда с раннего утра до позднего вечера качаешься в седле, усталость становится привычным делом. Это как раз мой случай. Я спал крепко и ни за что бы не проснулся вовремя, если бы не рычанье моего пса. Когда я раскрыл глаза, было еще темно, и все же я узнал человека, стоявшего справа от меня.

Я потянулся к ножу.

— Кто ты?

При этих словах проснулись и мои спутники и схватились за оружие.

— Разве ты не узнаешь меня, господин? — прозвучало в ответ. — Я один из беджат.

— Чего ты хочешь?

— Господин, помоги нам! Беббе бежал!

Я сразу же вскочил на ноги, за мной — остальные.

— Беббе? Когда?

— Я не знаю. Мы спали.

— Как же так! Сто шестьдесят человек охраняли, а он сбе-

жал!

- Их давно уже нет здесь.
- Этих ста шестидесяти нет?!
- Они вернутся, господин.
- А где они?
- Я не знаю.
- Где же хан?
- Его тоже нет.

Я схватил мужчину за грудки.

– Эй, что вы против нас задумали, подонок? Это для вас плохо кончится!

– Отпусти меня, господин! Как мы можем сделать тебе и твоим людям дурное? Ведь ты наш гость!

– Халеф, проверь, сколько беджат еще здесь.

Было так темно, что площадка едва просматривалась. Маленький хаджи поднялся, чтобы исполнить мое поручение.

– Здесь еще четверо, – тут же заявил беджат, – еще один стоит снаружи у входа на страже. В другом лагере пленного охраняли десять человек.

– Как он убежал? Пешком?

– Нет. Он прихватил лошадь и что-то из оружия.

– Это неопровержимо свидетельствует, что вы умные и осторожные охранники. А зачем вы ко мне пришли?

– Господин, верни его!

В другой ситуации я бы рассмеялся. Более наивной просьбы и быть не могло. Я пропустил эту просьбу мимо ушей и

расспрашивал дальше:

– И *вы* не знаете, *где сейчас* хан с остальными?

– Мы действительно этого не знаем.

– Но у него были причины уехать?

– Наверное.

– Какие же?

– Господин, мы не можем тебе их назвать.

– Хорошо. Посмотрим, кто сейчас командир – хан или я...

Халеф прервал меня, доложив, что действительно видны четверо беджат.

– Они стоят вверху вон там и слушают нас, сиди!

– Пусть себе стоят. Скажи мне, хаджи Халеф Омар, твои пистолеты заряжены?

– А ты видел их когда-нибудь разряженными, сиди?

– Вытащи их и, если этот человек не ответит мне на вопрос, заданный в последний раз, влепи ему пулю в голову. Понял?

– Не беспокойся, сиди, тогда он получит две пули вместо одной!

Я в последний раз спросил беджат:

– Куда уехал хан?

На этот раз ответ не заставил себя ждать:

– Чтобы напасть на беббе.

– На беббе? Значит, он мне солгал. Он сказал, что собирался навестить джиаф.

– Господин, хан Хайдар Мирлам никогда не говорит

неправду. Он действительно собирается к джиаф, если ему удастся его зatea.

Теперь я догадался, почему он спрашивал меня, друг ли я или враг для беббе. Он хотел, предоставив свою защиту, сохранить мое расположение.

– Вы живете с беббе в стычках? – спросил я затем.

– Это они с нами, господин. А мы за это отнимем у них сегодня их скот, ковры и оружие. Сто пятьдесят человек займутся этим, а еще пятьдесят пойдут с ханом к джиаф.

– Если беббе это допустят, – добавил я.

Даже в темноте я заметил, что он гордо поднял голову.

– Они-то? Беббе – враги! Разве ты не знаешь, как сегодня этот человек убежал от нас?

– Один – от двухсот!

– А ты один его поймал!

– Господи, да я поймал бы десять беджат, если бы нужно было. К примеру, вот ты и те четверо, что дежурят снаружи, и десять других в другом лагере – все вы мои пленники. Халлеф, охраняй выход. Кто без разрешения захочет выйти, будет застрелен.

Мой хаджи тут же исчез, а беджат со страхом спросил:

– Господин, ты шутишь?

– Нет, не шучу. Хан скрыл от меня главное, ты тоже сказал мне кое-что по принуждению. Поэтому я сейчас вправе чувствовать себя в опасности. Эй, подойдите, вы, четверо!

Они исполнили мой приказ.

– Сложите оружие у моих ног!

Когда они запротестовали, я добавил:

– Вы ведь про нас слышали! Если вы будете вести себя честно, с вами ничего не случится и вам вернут оружие, но если что-то задумаете, вам не помогут ни джинны, ни шайтан.

На этот раз они выполнили все, что от них требовалось. Я передал оружие своим спутникам и проинструктировал Мохаммеда Эмина, как ему дальше себя вести.

Затем я отправился изучать русло ручья в месте, где он вытекал из ущелья.

Снаружи между камней я увидел караульного, который меня сразу узнал.

– Кто тебя выставил здесь?

– Хан.

– Зачем?

– Чтобы он, возвращаясь, знал, что все в порядке.

– Очень хорошо. Ступай в лагерь и скажи моим спутникам, что я сейчас вернусь.

– Я не имею права покидать свой пост!

– Хан об этом не узнает.

– Он все узнает.

– Может быть, но я ему скажу, что то был мой приказ.

Караульный ушел. Я знал наперед, что Мохаммед остановит и разоружит его. Но я до сих пор не выяснил, где же второй лагерь. Правда, вечером голоса раздавались совсем

близко, место будет легко найти. Так оно и вышло. Я услышал ржание и пошел на звук. На земле сидели девять беджат, принявшие меня в темноте за своего товарища, потому как один из них закричал:

– Что он говорит?

– Кто?

– Чужеземец-эмир.

– Да он сам здесь стоит, – ответил я. Теперь они меня признали и поднялись на ноги.

– О эмир, помоги нам, – попросил один. – Беббе сбежал от нас, и, когда хан вернется, он поступит с нами жестоко.

– Как же ему удалось сбежать? Разве вы его не связывали?

– Он был связан, но постепенно ослабил узлы, а когда мы спали, он забрал своего коня и наше оружие и ускакал.

– Берите своих лошадей и следуйте за мной!

Они тут же повиновались, и я привел их к нашей стоянке. К этому времени хаддедин развел маленький костер, и окрестности немного осветились неверным пламенем. Страж сидел без оружия с остальными беджат. Девятеро, которых я привел с собой, были так деморализованы случившимся, что без сопротивления сдали свои ножи и копья. Я объяснил всем пятнадцати, что им только в том случае стоит опасаться своего хана, если ему вздумается обвинить нас в предательстве, вернуть же бежавшего беббе мне не удастся.

Мистер Линдсей выпросил у Халефа все, что ему не уда-

лось понять из моего объяснения. Теперь он принялся терзать меня:

– Сэр, что мы будем делать с этими парнями?

– Это выяснится, когда хан вернется.

– А если они разбегутся?

– Это им вряд ли удастся. Мы же следим за ними, а на выходе я поставлю хаджи Халефа Омара.

– Туда? – Он указал на проход, который вел наружу. Когда я кивнул, он продолжил:

– Этого недостаточно. Ведь есть еще и второй выход. Там, сзади. Yes!

Я посмотрел в том направлении, куда указывал его палец. При свете костра узрел кусок скалы, а перед ним куст.

– Шутите, сэр, – ответил я. – Кто переберется через этот камень?! Он пять метров высотой!

Линдсей засмеялся:

– Хм! Ума вам, конечно, не занимать, мистер. Но Дэвид Линдсей не глупее, сэр!

– Объяснитесь, пожалуйста.

– А вы пойдите и осмотрите поближе камень и куст. Понятно?

– Это нам весьма на руку. Беджат об этом знают?

– Думаю, нет, потому как, когда я туда совал нос, они не обратили на меня внимания.

– А проход очень узкий?

– Можно с лошадью пройти.

– А что там за местность снаружи?

– Не знаю, отсюда не видно.

Дело представлялось настолько важным, что мне нужно было пойти и все посмотреть самому. Я поручил свои обязанности спутникам и покинул стоянку. В темноте долго искал место, где между скал рос кустарник. Дыра, которую он скрывал, была около двух метров шириной. За кустарником громоздились камни, но днем лошадь провести между ними было можно.

Поскольку я не знал, что нас ждет в ближайшем будущем, то достал нож и сделал несколько глубоких надрезов на некоторых ветвях, чтобы их было легко отвести, если я поведу здесь лошадь. Естественно, я сделал все так осторожно, что беджат ни о чем не догадались. Затем вернулся в лагерь и сменил Халефа на его посту. Он получил указание сообщать обо всех, кто приблизится к стоянке.

– Что ты там нашел, эфенди? – спросил Мохаммед Эмин.

– Шикарный отход на случай, если нам придется уходить, не сказав «салам!».

– Через кустарник?

– Да, я обследовал это место. Как только всадник проделается сквозь заросли, все остальные пройдут уже свободно.

– А там дальше есть камни?

– Да, глыбы, поросшие колючками и ползучими растениями, но, когда светло, все узкие места можно спокойно миновать.

– Ты думаешь, мы все же воспользуемся этим путем?

– Я только могу предполагать. Не смейся надо мной, Мохаммед Эмин, но с детства у меня проявились некие способности предвидения событий...

– Я верю тебе. Аллах велик!

– Радостные события я никак не предвижу. Видятся главным образом беспокойство, страх, как будто я встретил что-то злое, последствия чего я опасаясь. И наверняка произойдет что-то такое, что принесет мне несчастье. Опыт показывает: опасность начинается в то же мгновение, когда в меня впервые закрадывается страх.

– Значит, надо обращать внимание на те знаки, которые посылает тебе Аллах.

Мои опасения перенеслись также и на спутников. Разговоры прекратились, и мы молча лежали друг возле друга. Едва забрезжил рассвет, вернулся Халеф и доложил, что приближаются множество всадников. Их точное количество он определить не смог.

Я подошел к лошади, вынул из седельной сумки подзорную трубу и последовал за Халефом. Невооруженным глазом на равнине можно было различить много темных фигур; через трубу я смог увидеть их отчетливее.

– Сиди, кто это? – спросил Халеф.

– Это беджат.

– Но ведь их не должно быть так много!

– Они возвращаются с награбленным. Гонят с собой стада

беббе. Впереди скачет хан со своим отрядом, он здесь будет раньше, чем остальные.

– А нам что делать?

– Обождем. Я дам знать.

Я вернулся к своим спутникам и рассказал о том, что увидел. Они были уверены в том, что нам не надо бояться хана. Мы не могли сделать ему никакого упрека, кроме того, что он скрыл от нас свои намерения. Если бы он хоть что-то рассказал нам, мы бы к нему ни за что не примкнули; нам было совершенно ни к чему прослыть ворами и разбойниками. Мы пришли к решению встретить его с осторожностью и вежливо.

С этим я и вернулся к Халефу, вооружившись до зубов.

Хан приближался галопом и через пять минут придержал своего коня возле меня.

– Салам, эмир! – приветствовал он меня. – Ты, наверное, удивился, не увидев меня среди вас, как вы ожидали. Но мне нужно было обтяпать одно выгодное дельце. Оно выгорело. Оглянись!

Я смотрел прямо ему в глаза.

– Ты украл, хан Хайдар Мирлан!

– Украл? – спросил он удивленно. – Разве тот, кто забирает у своих врагов, что может забрать, – вор?

– Христиане говорят – да, тот человек вор. А ты знаешь, что я христианин. Почему ты нам ничего не сообщил?

– Потому что тогда мы стали бы врагами. Ты бы ведь по-

кинул нас?

– Непременно.

– И предупредил бы беббе?

– Я бы их не стал искать, да и не знал, на какой лагерь вы готовите нападение. Но если бы мне попался беббе, я бы ему рассказал, что вы замышляете.

– Вот видишь, эмир, я прав. Я мог поступить лишь двояким образом: или скрыть от тебя свои намерения, или захватить тебя в плен и удерживать у себя силой, пока все не кончится. Поскольку я был твоим другом, я сделал первое.

– А я между тем подался в лагерь к десяти воинам, которых ты там оставил, – спокойно сказал я ему.

– Что же тебе нужно было у них?

– Взять их в плен!

– Аллах! Зачем?

– Затем, что я узнал, что ты покинул нас. Я не знал, что меня ждет, поэтому и захватил в плен всех оставшихся беджат как поручительство за нашу безопасность.

– Господин, ты очень осторожный человек, но ты меня опечаливаешь. Что ты сделал с беббе?

– Ничего. Мне не удалось его увидеть, он ведь убежал. Хан побледнел и закричал:

– О боги, это невозможно! Это все мне испортит! Дайте мне этих собак, которые проспали, в то время как должны были бодрствовать!

Он вскочил на лошадь и устремился, лавируя между скал,

к лагерю. Мы с Халефом последовали за ним. Между ханом и его людьми разыгралась сцена, которую трудно описать. Он топал, как разъяренный кабан, раздавал пинки и подзатыльники и никак не мог успокоиться, пока не обессилел окончательно. Я не мог даже представить, что в этом человеке таится столько ненависти.

– Умерь свой гнев, хан, – попросил я его наконец. – Ты ведь все равно должен был отпустить этого человека.

– Да, я бы сделал это, – гневно ответил он, – но не сегодня, когда мой план оказался предан гласности.

– Что же это за план такой?

– Мы забрали все, что обнаружили у беббе. Сейчас хорошее будет отделено от плохого. Все ценное я отошлю дальними надежными дорогами к своим, все негодное мы возьмем с собой для джиаф. По дороге мы частично отдадим это обратно. Таким образом, мы отвлечем преследователей от себя, беббе подумают, что на них напали отряды джиаф, а в это время мои люди спокойно доберутся до своих деревень, где живут беджаты...

– Что ж, план продуман отлично.

– Но теперь все пошло прахом. Пленный беббе принадлежал к клану, на который мы как раз напали, он знал, что мы беджаты, и выдаст нас. Он наверняка догадался, что мы задумываем. Лошадь у него отличная. И он наверняка поднял тревогу в соседнем лагере, пока мы грабили...

– Это все плохо не только для тебя, но и для нас, поскольку

он видел нас в твоём лагере.

— Теперь он знает и место нашего лагеря, и можно предположить, что вход в эти скалы тоже уже известен беббе.

Не успел он договорить, как донесся дикий крик:

— Аллах-иль-Аллах! Это они! Возьмите их живыми!

Мы обернулись и увидели беглого беббе, который ринулся ко мне с горящими глазами, следом за ним бежала целая орава его соплеменников. Они уже просачивались сквозь узкий проход на площадку. Поднялся дикий вой, сопровождаемый ружейными выстрелами. Мы сделали ошибку, не оставив часовых на подходах к лагерю, и теперь поплатились за свою забывчивость.

Времени для размышлений не оставалось, потому как беббе, в котором я сейчас распознал хана или шейха, шел прямо на меня. У него не было ни копья, ни ружья, как, впрочем, и у его спутников, но зато в руке блестел загнутый афганский кинжал.

Я встретил достойного противника голыми руками, даже не попытавшись схватить оружие. Резким броском я ухватил левой рукой его правую, державшую кинжал, а правую бросил ему на горло.

— Умри, разбойник! — прорычал он и попытался освободить кулак с зажатой в нем рукояткой.

— Ты ошибаешься, — выдохнул я, — я не беджат и не знал, что на вас собираются нападать!

— Ты вор, собака. Ты взял меня в плен, а теперь ты будешь

моим пленником. Я шейх Газаль Габойя, от которого еще никто не уходил!

Как молния, сверкнуло в моей голове воспоминание — я где-то уже слышал о нем как об одном из самых храбрых курдов. Времени на обдумывание не оставалось.

— Тогда бери меня в плен, если можешь! — ответил я.

С этими словами я отнял руки и отпрянул. Он, расценив это за проявление слабости, издал торжествующий крик и занес руку для удара. Это мне и было нужно. Я нанес ему такой сильный удар кулаком в открывшуюся подмышку, что его пальцы мгновенно разжались. Тело описало длинную дугу и мешком свалилось на землю в шести шагах от меня. Прежде чем он смог подняться, я ударил его кулаком в висок, и он остался лежать.

— На лошадей и за мной! — крикнул я.

Одним коротким взглядом мне удалось охватить всю картину происходящего. В лагерь прорвалось около двадцати беббе. Беджат боролись с ними. Против мистера Линдсея оказались сразу двое, одного он тут же свалил прикладом ружья; оба хаддедина прижались бок о бок спинами к скале и не подпускали к себе никого, а маленький Халеф, склонившись над поверженным врагом, обрабатывал его голову рукояткой пистолета.

— Сиди, не надо бежать. Мы с ними сами справимся! — откликнулся на мой крик храбрый хаджи.

— Снаружи их много. Вперед, быстрее!

Я прихватил кинжал, валявшийся на земле возле бездыханного тела Газаль Габойи, и вскочил на лошадь. Чтобы как следует разогреть его и одновременно дать время друзьям, я погнал вороного, дав ему шпоры, прямо на беббе. Среди них я заставил его метаться из стороны в сторону, пока не заметил, что мои товарищи сели на лошадей. Потоптав достаточно кустарника, я дождался спутников и уже тогда дал вороному шенкелей, поскакав на открытую равнину. Остальные последовали за мной.

Теперь я мог обдумать происшедшее. Этот шейх Газаль был действительно умным человеком. Вместо того чтобы поднимать свой клан, который был слишком слаб для отпора, он поднял на ноги всю местность, и пока груженные поклажей беджаты безмятежно двигались к лагерю, Газаль обложил лагерь с трех сторон. Между ними завязался бой. Дождаться его окончания и выяснять, как беббе удалось незаметно подобраться к лагерю, – на все это у меня не было ни времени, ни желания. Слева от нас виднелась широкая полоса всадников, приближающихся галопом к месту стычки. А справа вся местность до горизонта была усыпана отдельными точками – это тоже были всадники.

– Вперед, эфенди! – крикнул Мохаммед Эмин. – Иначе они нас отловят. Тебе удалось сохранить свою драгоценную шкуру непродырявленной?

– Да, а тебе?

– Маленький шрамчик.

У него на щеке виднелась небольшая и неопасная рана.

– Подъезжайте сюда, – попросил я всех. – Образует прямую линию. Тот, кто увидит нас с боков, примет всех за одного всадника!

Все было так и сделано, но беббе, находившихся сзади, было не так-то просто обмануть: скоро мы заметили, что нас преследует внушительная группа всадников.

– Сиди, они нас догонят? – спросил Халеф.

– Кто же это знает? Все зависит от того, на каких они лошадях. Однако, хаджи Халеф Омар, что это с твоим глазом?

Глаз заплыл, хотя с момента боя прошло всего лишь несколько минут.

– Ничего страшного, сиди, – ответил он. – Этот беббе оказался в пять раз длиннее меня и здорово врезал мне. Хамду-лилла, он так больше никогда не поступит!

– Но ты ведь не убил его?

– Нет, зачем, я ведь знаю, что ты этого не одобряешь, эфенди.

Меня несколько успокоило то, что никто из наших противников не лишился жизни по нашей вине. Это оказалось нам на руку, когда мы попались в руки беббе – они не применили к нам законы кровной мести. Мы продолжали скакать еще с четверть часа. Место боя давно скрылось, но преследователи не отставали. Они разделились. Те, у кого были лошади получше, подобрались ближе, остальные отставали.

– Эмир, они нас догонят, если мы не поскачем быстрее, –

заметил Амад эль-Гандур.

– Мы не можем перенапрягать лошадей. К тому же они разделились, и лучше с ними переговорить, чем устраивать эти ненужные гонки.

– Машалла! Ты желаешь говорить с ними? – прокричал Мохаммед Эмин.

– Непременно. Мыслью так – вы их завлечете так далеко, что они откажутся от преследования. Скачите дальше. А я подожду здесь.

Они поскакали в том же темпе. Я слез с лошади, взял в руки ружье, сел и стал ожидать всадников.

Когда они были в тысяче шагов от меня, я размотал свой тюрбан и помахал им в воздухе. Они сразу же перешли с галоп на шаг и остановились где-то на половине означенного расстояния. Коротко посоветовавшись, они делегировали ко мне одного, который подошел и спросил:

– Отчего ты сидишь на земле? Это что, такая хитрость?

– Я хочу говорить с вами.

– Со всеми нами или только с одним?

– С одним, которого вы выберете и направите ко мне.

– У тебя есть оружие.

– Он может прихватить свое тоже.

– Положи его подальше, тогда придет один из наших.

– Тогда и он пусть оставит оружие.

– Он отложит его!

Я поднялся, положил оба кинжала и револьвер на землю,

повесил ружье и штуцер на седло. Потом снова сел.

Эти люди наверняка не знали, сколько у меня с собой всякого оружия, я мог спокойно припрятать револьвер под одеждой, но мне хотелось быть честным, чтобы с их стороны ожидать такое же отношение.

Я насчитал одиннадцать мужчин. Тот, с которым я говорил, вернулся к своим и переговорил с ними. Потом спешил, снял ружье, нож и кинжал и пешком пошел ко мне. Это был пятидесятилетний стройный мужчина приятной наружности. Его черные глаза горели ненавистью, но он сел безмолвно передо мной.

Я молчал, и ему пришлось начать беседу со слов:

– Чего ты от нас хочешь?

– Я хочу с тобой говорить.

– Так говори!

– Я не могу.

– Аллах! Почему?

Я показал назад.

– Посмотри, у меня с собой было много оружия, и я отложил его, то же должен был сделать ты. Ты ведь обещал оставить свое. С каких пор беббе стали лжецами?

– Я – лжец?!

– А как расценить дубинку под твоей накидкой? – И я указал на заметно выпирающую из-под одеяния рукоятку.

Он заметно смутился, залез под накидку и отбросил оружие подальше.

– Я забыл о ней, – признался он, как мне показалось, искренне.

Это убедило меня в том, что вероломства мне от него ждать не надо. Он мне не доверял, опасался меня и допускал непредвиденную ситуацию.

Я начал:

– Так пусть будет между нами мир хотя бы до тех пор, пока наши переговоры не закончатся. Обещаешь мне это?

– Да, обещаю.

– Тогда дай мне руку!

– Вот она.

– Почему вы нас преследуете? – спросил я затем.

Он удивленно взглянул мне в лицо.

– Ты что, глупец? – вскричал он. – Вы ограбили нас, вы пришли как враги на наши границы, а ты еще спрашиваешь, за что мы вас преследуем?

– Мы пришли не как разбойники, не тем более как ваши враги.

Он еще больше удивился.

– Разве нет? Аллах-иль-Аллах! И взяли при этом наш скот и наши палатки со всем, что в них было!

– Ты ошибаешься! Это не мы, а беджат!

– А вы и есть беджат!

– Нет, мы пятеро мирные люди. Один из них и я – воины из далекого Франкистана, третий – мой слуга, араб, родившийся по ту сторону Мекки, а еще двое – бениарабы, уро-

женцы западных земель, которые не числятся у вас в недругах.

– Ты говоришь, чтобы сбить меня с толку. Так тебе не удастся одурачить нас. Вы – беджат!

Я сорвал бурнус и отвернул белый рукав моей куртки, затем отогнул и нижнюю рубашку.

– Такие руки у арабов, беджат или курдов? – спросил я.

– Он белый, – ответил он. – А все тело тоже такое?

– Конечно. Умеешь читать?

– Да! – заявил он высокомерно.

Я достал свой блокнот и открыл его.

– Это язык арабов или, может быть, курдов?

– Это чужая письменность.

Я захлопнул блокнот и достал паспорт.

– Тебе знакома эта печать?

– Аллах! Это печать великого господина.

– Ты должен знать эту печать, потому как ты воин паши Сулеймании, который должен давать отчет султану. Теперь ты веришь, что я не беджат?

– Да, теперь верю.

– Также правда то, что я сказал тебе о других.

– Но вы были среди беджат!

– Мы встретили их во время своего путешествия на севере отсюда. Они приняли нас на правах гостей и сообщили, что направляются на праздник джиаф. Мы и не подозревали, что они – враги беббе; не догадывались мы и о том, что они

собираются напасть на вас и обокрасть. Вчера вечером мы заснули в их лагере; они куда-то уехали, а когда вернулись, поняли, что ели хлеб разбойников. Я вступил в спор с их ханом Хайдаром Мирламом, и в этот момент вы напали на них.

– О Аллах, не дай Хайдару Мирламу уйти от нас! А вы обращали оружие против наших?

– Да, мы были вынуждены это делать, ибо вы напали на нас.

– Вы кого-нибудь убили?

– Ни одного.

– Поклянись.

– Я не клянусь, я христианин.

– Христианин, – повторил он, пораженный, с сочувственной миной. – Теперь я вижу, что ты не курд и не турок, потому как мусульманин никогда не скажет, что он христианин. И я верю, что вы не убили наших, а бежали. Разве может христианин убить поклонника ислама?

В его голосе было столько уверенности, что я с удовольствием залепил бы ему увесистую оплеуху; но нужно было сдерживаться ради нашей же безопасности. Я находился в довольно щекотливом положении, ибо остальные беббе потихоньку подошли близко и соединились с другими, так что всего в пятистах шагах от меня стояли более тридцати врагов. Любая неосмотрительность могла стоить мне жизни.

– Так ты видишь, что мы не ваши враги, и сможешь нас отпустить?

– Куда вы собираетесь ехать?

– В Багдад.

– Побудь здесь. Я поговорю со своими.

Он поднялся и отошел назад, так и не подняв свою дубинку. Последовали долгие переговоры, причем очень оживленные, как я видел по их лицам, после чего спустя четверть часа он вернулся ко мне.

На землю он снова не сел, поэтому и мне пришлось подняться на ноги.

– Ты мог бы уже идти, – решил он, – но мы еще не видели твоих спутников. Позови их. Со мной будут еще четверо беббе. Тогда нас окажется поровну.

Такое предложение таило в себе большую опасность. Я не поворачивался пока в сторону моих спутников, чтобы не терять из виду противника, но мне все же пришлось обернуться, и я заметил их на расстоянии двух тысяч шагов от нас. Должны ли они отказываться от такого преимущества? Мне нужно было проявлять осторожность.

– Ты заблуждаешься, – возразил я, – нас не будет поровну.

– Почему же? Вас пятеро и нас тоже.

– Посмотри, какое преимущество у моих братьев, и подумай, чего они лишатся, если подъедут сюда, а вы не предложите им мира!

Он сделал пренебрежительный жест рукой.

– Не бойся, гяур! Мы беббе, а не беджат. Мы снова представим вам то же преимущество.

При других обстоятельствах за своего «гяура» он бы ответил; сейчас же я посчитал за самое умное не заметить этот выпад. Я лишь сказал:

– Я доверяю тебе. Твои четверо будут вооружены?

– Как пожелаешь.

– Вы можете оставаться при оружии, и мы оба заберем с собой наше.

Он молча кивнул и вернулся. Я заткнул кинжалы и револьвер за пояс и сел на лошадь. Потом я махнул рукой своим спутникам. Воздух был столь чист и прозрачен, что они видели на большом расстоянии любое мое движение. Они подъехали. Скоро мы уже стояли в ряд напротив пятерых беббе.

– Где другой франк? – спросил их предводитель.

Я указал на Линдсея.

– Вот он.

Суровые лики курдов скривились от ухмылок, и говоривший произнес:

– Я уверен, что он франк и христианин, потому что у него нос как у свиньи, который называют хоботом.

Этого я уже не мог стерпеть.

– Такой тип носа я видел в Алеппо и Диярбакыре у многих верующих, – ответил я.

Он шагнул вперед.

– Молчи, гяур!

Я тоже двинул лошадь на шаг.

– Послушай, человек, ты говорил мне, что умеешь читать. Может, ты и Коран читал?

– А в чем дело?

– А то, что ты, мусульманин, должен знать, что повелевал Мухаммед! Разве он не говорил, что того, кто почитает врага, уважают мужественные, а того, кто врага позорит, любят трусы? Ты перенял свое учение у Пророка и думаешь, что все делаешь правильно; а мы переняли наше учение у Исы бен Мариам – у Иисуса Христа – и думаем, что оно главное; мы оба имеем право называть друг друга гяурами. Ты сделал это, я – нет, потому что это некрасиво – унижать другого. Кто обсыпает пылью своего спутника, тот сам непременно запачкается. Запомни это, беббе!

Несколько мгновений он стоял, пораженный моим красноречием, а потом вдруг с гневом выхватил из-за пояса кинжал.

– Человек, ты вздумал учить меня? Ты, христианин, проклятый Аллахом и Пророком! Я сейчас порежу тебя на куски, как тряпку. Я был готов отпустить вас на свободу с миром, теперь я приказываю вам – убирайтесь отсюда, нечистые, пусть вас заберет шайтан в джехенну!⁶

Я видел, что все это произносилось от чистого сердца, но видел я и то, что глаза обоих хаддединов и Халефа остановились на мне в гневном ожидании. Англичанин тоже смотрел на меня строго и внимательно, чтобы сразу соотнести свои

⁶ Джехенна – ад (араб).

действия с моими. Поскольку он ничего не понял из разговора, я вынужден был ему бросить:

– Сэр, если я выстрелю, стреляйте тоже, и сразу по коням!

– Yes! Прекрасно! – откликнулся он.

Между тем я сказал бейбе спокойным тоном:

– Хорошо, мы уедем, но до этого вот что я тебе скажу: не думай, что мы искали мира из-за того, что боимся вас. Нам нужен мир постольку, поскольку мы не желаем проливать понапрасну кровь. Ты возжелал много, так что теперь сам испей последствия содеянного!

– И вы нас не боитесь, вы, гяуры? Разве не ты сидел в пыли и не молил о милосердии, неверный?

– Не произноси больше ничего, бейбе, иначе от тебя останется мокрое место, предупреждаю тебя! Нам не нужно от вас никаких поблажек, бой может начаться хоть сейчас! Выходи!

– Пусть так будет! – вскричал он, схватившись за кинжал.

В тот же момент моя лошадь бросилась вперед и оказалась рядом с его конем, я схватил его за руку и вытащил из седла. Раздались четыре выстрела, за ними еще два, а когда я пустил коня в галоп, увидел, как лошади бейбе скачут прочь с всадниками.

– Скорее, за ними!

Мы рванули вперед. Но перед этим я подъехал к бейбе, притянул его к себе и отвесил ему несколько смачных оплеух со словами: «Это за гяуров!» А потом отшвырнул его прочь.

Он упал у ног лошади. Все произошло буквально в одно мгновение. Через миг мы уже мчались по равнине.

– Я правильно поступил? – спросил я хаддедина во время скачки.

– Эмир, – ответил мне Мохаммед Эмин, – ты правильно поступил; этот человек оскорбил всех нас. Он не может быть более воином, потому как христианин ударил его в лицо. Это хуже смерти. Опасайся теперь попасть в руки беббе – ты умрешь в страшных мучениях!

В течение десяти минут беббе снова сколотили два отряда, правда, передний был меньше, ибо пять лошадей у них было убито. Я подождал немного, пока расстояние между ними еще не увеличится, и приказал остановиться. Первые шесть всадников не выпускали нас целый день из поля зрения – лошади у них были отменные. Именно поэтому их и следовало застрелить. Это я и объяснил хаддедину, слез с лошади и зарядил ружье.

– Стрелять? – спросил Линдсей, наблюдавший все это.

– Да. Лошадей убрать!

– Yes! Интересное дело. Дорогое удовольствие!

Еще я попросил никого не нажимать курок, пока наверняка не убедятся, что в прицеле не человек, а лошадь.

Преследователи подошли поближе и находились уже на расстоянии выстрела, как до них начал доходить смысл нашей задумки. Но вместо того чтобы рассеяться, они сбились в кучу.

– Огонь! – скомандовал мистер Линдсей.

Хотя арабы и не поняли английское слово, наверняка догадались, что оно означает. Мы выстрелили с Линдсеем еще по разу и убедились, что ни один выстрел не пропал даром. Шесть лошадей вместе с их всадниками образовали на земле кучу малу, разобраться в которой было довольно сложно.

А мы тем временем снова вскочили на коней. Скоро противник оказался далеко позади, и мы вновь были одни на выжженных солнцем просторах.

– Куда теперь? – спросил Мохаммед.

Я издал невразумительное хмыканье. Никогда еще в жизни я не ощущал такой неопределенности относительно дальнейших действий.

– Подумай сам, эмир, – сказал Амад. – Сейчас у нас есть время. Лошади могут попасться.

– Вы сами подумайте, – ответил я. – Мы даже не знаем, в каком районе находимся, но полагаю, что на юге от нас Нвейзгие, Мерва, Бейтош и Дейра. Эта дорога вывела бы нас в Сулейманию...

– Туда мы не поедem! – прервал меня Мохаммед Эмин.

– Тогда нам нужно решаться на ту дорогу, о которой мы говорили вчера вечером. Следует держаться теперешнего направления, пока не достигнем реки Бербзие, а потом день пройдем вверх по течению и в районе Бане углубимся в горы.

– Я того же мнения, – заявил Мохаммед.

– Река эта, чем нам важна – она отделяет Персию от Эй-

алата⁷ и мы можем переходить с одного берега на другой, в зависимости от того, кто нам угрожает.

Мы поскакали дальше на юг. Плоскогорье становилось все более гористым. После полудня мы уже далеко забрались в горы и незадолго до захода солнца оказались на одинокой, поросшей лесом вершине у маленькой хижины; из отверстия в крыше струился легкий дымок.

– Здесь кто-то живет, сиди, – сказал Халеф.

– Во всяком случае, он не причинит нам вреда. Подождите, я посмотрю.

Я слез с лошади и направился к дому. Он был построен из камней, а щели между ними были заткнуты мхом. Крышу застилали в несколько слоев толстые ветви, а вход был настолько низким, что туда мог войти, не сгибаясь, разве что ребенок.

Когда мои шаги стали слышны внутри этого примитивного строения, в дверях появилась голова какого-то зверя, которого я принял за медведя, но голос этого злобного создания не оставил у меня сомнения, что я имею дело с собакой. Потом раздался резкий свист, и на месте этой головы возникла вторая, которую я поначалу тоже не смог классифицировать. При ближайшем рассмотрении шерсть оказалась волосами, всклокоченными самым невероятным образом, черный широкий нос и блестящие злобные глазки напоминали шакала.

⁷ Эйалат – зд.: генерал-губернаторство (*фарси*).

– Добрый вечер! – поприветствовал я.

Глухое ворчание было мне ответом.

– Ты здесь один живешь?

Ворчание стало еще более глухим.

– Здесь в округе есть еще дома?

Теперь ворчание стало по-настоящему злобным, и существо достало какую-то пику – ее острие остановилось у самой моей груди.

– Отойди, – попросил я вполне миролюбивым тоном.

Ворчание не прекращалось, а кончик пики нацелился прямо на мое горло. Это было уж слишком. Я схватил пику и потянул на себя. Таинственный обитатель хижины крепко ухватился за нее, и мне пришлось вытягивать его из дверей. Сначала вылезла морда с черным блестящим носом, потом две руки того же цвета с внушительными когтями, затем дырявый мешок, похожий на те, что носят наши угольщики для своих шмоток, и, в конце концов, два предмета, которые при тщательном обследовании и при богатой фантазии можно было принять за сапоги, которые однажды примерил Колосс Родосский.

Как только эти самые сапоги прошли через дверь, существо смогло выпрямиться, и у собаки появилась возможность появиться в полной красе. У нее была похожая пятнистая шерсть, черные нос и два злобных глаза, и оба создания, похоже, боялись меня больше, чем я их.

– Кто ты? – спросил я самым миролюбивым тоном.

– Алло! – прорычал он, но то были уже членораздельные звуки.

– Кто ты?

– Угольщик.

Да, пожалуй, это было приемлемое объяснение черных носа и рук, но такие ногти ему были явно ни к чему. Я заметил, что мой дружеский тон ему нравится. Он полностью ко мне расположился, и даже собака завиляла хвостом.

– Здесь есть ещё люди? – поинтересовался я.

– Нет.

– А сколько нужно идти, чтобы встретить людей?

– Больше, чем день.

– Для кого ты жжешь уголь?

– Для господина, который делает железо.

– Где он живет?

– В Бане.

– Ты курд?

– Да.

– Ты джиаф?

– Нет.

– Беббе?

– Нет.

При этом слове он разразился раздирающим горло кашлем. Такой расклад вполне меня устраивал. Я не скрывал уже своих симпатий к этому человеку.

– А к какому же ты племени принадлежишь?

– Я банна.

– Посмотри, Алло, вон туда. Ты видишь четверых всадников?

Он отбросил со лба грязные пряди, чтобы открыть себе обзор, и посмотрел, куда я указывал. Невзирая на накидку угольщика, скрывающую его курдскую внешность, я заметил, что по лицу его пробежала тень испуга.

– Они курды? – спросил он озабоченно.

Когда я отрицательно ответил на его вопрос, он продолжал:

– А кто же они тогда?

– Мы двое христиан и трое арабов.

Он взглянул на меня с удивлением.

– А христиане – кто это?

– Это я тебе позже объясню, потому как эту ночь мы проведем здесь.

Тут он испугался еще больше, чем раньше.

– Господин, не делай этого!

– Отчего же?

– В горах живут злые духи.

– А нам это подходит – мы давно хотели увидеть духов.

– И дождь бывает!

– Вода нам не помешает.

– И гром гремит!

– И это нам не страшно.

– И медведи здесь!

– Нам по вкусу их ляжки.

– Часто навещаются разбойники!

– Мы застрелим их.

Наконец, когда понял, что нас ничем не пронять, он сменил тон:

– Господин, я боюсь вас.

– Нас не надо бояться. Мы не разбойники и не убийцы. Мы хотим лишь переночевать в этом домике и завтра двинемся в путь. За это ты, если захочешь, получишь серебряный пиастр.

– Серебряный? Пиастр? – переспросил он удивленно.

– Да, пиастр или даже два, если проявишь дружелюбие.

– Господин, я и так дружелюбен!

Когда он произносил эти слова, у него все смеялось – глаза, рот, нос и даже руки, которые удовлетворенно похлопывали в ладоши. Удивительным было то, что у этого курда-банна росла еще и борода. Такого я пока не видел.

Радость передалась и его собаке, которая извлекла свой хвост из-под ног и принялась им размахивать, причем лапой попыталась толкнуть игриво моего Дояна, но тот и ухом не повел, а созерцал всю картину с величием Великого Могола.

– Тебя хорошо знают в горах? – продолжил я свои расспросы.

– Да, везде.

– А ты знаешь реку Бербзие?

– Да, это на границе.

– Сколько времени нужно, чтобы добраться до нее?

– Полдня.

– А Банне ты знаешь?

– Бываю там два раза в год.

Знал он и Ахмадабад, и Байендере.

– А вот Бистан ты знаешь? – настаивал я.

– Знаю, там живет мой брат!

– Ты работаешь все дни?

– Так, как мне захочется! – гордо ответил он.

– И можешь по своему желанию отсюда уйти?

– Господин, я не знаю, почему ты так спрашиваешь.

Этот угольщик был весьма осторожным, эта черта мне в нем понравилась.

– Я скажу, почему я спрашиваю. Мы здесь чужие люди и не знаем дорог через горы, поэтому нам нужен надежный человек – проводник. Мы заплатим ему по два пиастра за день.

– О господин, возможно ли такое? Я за все годы получил всего десять пиастров, муку и соль. Могу ли я повести вас?

– Мы хотим с тобой сегодня познакомиться. Если ты нам понравишься, ты будешь зарабатывать больше денег, чем получаешь за год.

– Зови своих людей! Я испеку для них хлеб, и дичь у вас будет, и трава для лошадей. Там, наверху, есть источник, и возле него ваш лагерь будет таким же удобным, как лежанка султана в его главной резиденции.

Наш brave Алло претерпел метаморфозу за какие-то минуты – и все это сделал только звон пиастров!

Я дал знак моим спутникам, которые все время нашего разговора стояли и ждали поодаль. Подъехав, они поразились внешности угольщика не меньше, чем я несколько минут назад. Англичанин – тот вообще лишился дара речи; но и банна уставился на нос мистера Линдсея в немом изумлении. Наконец к англичанину вернулся дар речи:

– Фу ты, черт! Кто это? Горилла?

– Нет, курд из племени банна.

– О! Почему бы тебе не помыться? – пробормотал он, обращаясь к бедному парню, но тот не понял его английского.

Лошади тем временем принялись пастись и выели целые поляны во мху. Мы уселись, и я рассказал Мохаммеду об угольщике. Мы решили как следует его проверить.

А тот вытащил из хижины мешок муки грубого помола и банку с солью. Затем появился на свет божий горшок, который, наверное, многие десятилетия служил каким-то таинственным целям. Потом он залез в какой-то подвал позади дома. Он был выложен камнями и содержал запасы мяса в виде двух зайцев и говяжьей туши. Мы могли выбирать и выбрали говядину. Мясо было вымыто и зажарено на костре, Халеф тем временем напоил лошадей, а курд нарезал для них своим длинным ножом траву.

– Грязноватый паренек, – заявил англичанин, – но прилежный. Жаль!

– Что жаль?

– Жаль, что горшок неподходящий, тоже грязноватый. А иначе он мог бы еще как варить!

– Что еще варить?

– Пудинг!

– Нам только пудинга здесь не хватало!

– Хм! Или я не англичанин?

– И что же за пудинг вы собираетесь варить?

– Да любой.

– Мне известны двадцать видов, но ни один нельзя сделать здесь.

– Почему же?

– Да оттого, что ничего нет.

– Как это так? Говядина есть, мука есть, соль есть...

– Что ж, запомню этот рецепт. Правда, тут не хватает сала, яиц, лука, перца, лимона, петрушки, горчицы...

Короче говоря, вместо пудинга он получил кусок лопатки, которую обглодал дочиста. Пока я разделывал жаркое, курд стоял у угла своего дома и старательно слизывал с пальцев сажу.

– Иди сюда, Алло, поешь с нами! – позвал я его.

Он не заставил себя ждать, и с этого момента мы были лучшими друзьями.

– Сколько стоило твое мясо? – спросил я.

– Господин, я дарю вам его. А себе поймаю другое.

– Нет, я все же хочу заплатить. Вот, возьми.

Я залез в потайной карман на поясе, извлек два пиастра и протянул ему.

– О господин, твое сердце полно доброты! А зайцев ты не хочешь зажарить?

– Мы заберем их завтра с собой.

Рядом с домом лежала большая копна листьев. Курд собрал их, чтобы подготовить для нас подстилки. С помощью наших одеял ему это удалось превосходно, так что на следующее утро мы вынуждены были признать, что давно не спали так сладко.

Перед отъездом мы доели холодное мясо.

– Вы платили, мистер, – заявил Линдсей, – я отдам вам.

– Что за мелочи!

– Эта горилла поведет нас? И сколько он берет?

– Два пиастра в день.

– Я дам ему их. Понятно?

– Хорошо, сэр!

Поскольку хаддедины тоже согласились взять курда в качестве проводника, я провел экзаменовку.

– Ты слышал что-нибудь об озере Кюпри?

– Я был там.

– Как далеко до него отсюда?

– Вы желаете увидеть много деревень или нет?

– Мы хотим встретить поменьше людей.

– Тогда вам понадобится шесть дней.

– А какова дорога туда?

– Отсюда идем до Бербзие и далее по течению до Ахмедабада, потом дорога заворачивает направо, ведет в Киззельзи, а оттуда уже видно реку, впадающую в озеро Кюпри.

Это был, к моему удовольствию и удовлетворению, тот же путь, который я и наметил. Курд-бульбасси описал точно такой же маршрут.

– Хочешь быть нашим проводником? – спросил я его.

– Господин, с вами – хоть до Багдада! – отвечал он.

– А как ты изучил эту тропу?

– Я водил торговцев, уходивших с грузом в горы и возвращавшихся пустыми. Тогда я еще не был угольщиком.

Этот парень, невзирая на его грязь, был настоящей жемужиной для нас. Он был немного ограничен, но имел честный, прямой характер. Поэтому я решил взять его на службу.

– Тогда ты поведешь нас до равнины и ежедневно будешь получать свои два пиастра. Если верно нам послужишь, сможешь купить себе лошадь, которую мы тебе потом подарим. Доволен?

Лошадь! Она представляла для него несметное богатство! Он схватил мою руку и прижал к своей бороде, под которой по всем анатомическим данным должно было находиться ротовое отверстие.

– О господин! Твоя доброта больше, чем эти горы! Могли ли я прихватить свою собаку, будете ли вы ее кормить?

– Конечно, дичи для нее будет предостаточно.

– Благодарю тебя! Ружья у меня нет, и я вынужден ловить

дичь силками. Когда ты купишь мне лошадь?

– Как можно быстрее.

У него была соль, и я попросил его взять с собой запас. Какой ценный продукт соль, узнаешь, лишь, когда месяцами в ней нуждаешься. Большинство бедуинов и курды давно отвыкли от ее вкуса.

Алло быстро закончил все приготовления. Он припрятал запасы муки и соли в упомянутом подвале, забрал нож и угрожающего вида копье, взял собаку на поводок. Шапки на нем не было.

Мы начали наш поход с новыми надеждами на успех. Наш проводник вел нас строго на юг, пока к полудню мы не достигли Бербзие. Здесь устроили привал, с наслаждением погрузившись в воды реки. К счастью, Алло внял моим уговорам и вымылся. Из благословенных волн он вышел другим человеком. Теперь мы выбрали восточное направление, но приходилось делать крюки, потому как на реке имелись поселения кочевников и земледельцев, а их лучше было обходить.

Вечером переночевали на берегу ручья, стекавшего с гор в Бербзие.

На следующее утро мы не проехали и часа, как вдруг курд остановился как вкопанный и напомнил мне о моем обещании купить ему коня. Рядом живет его знакомый, у которого продается лошадь.

– Он живет в большой деревне? – спросил я.

– Здесь всего четыре дома.

Это было мне на руку, ибо я хотел избежать лишних взглядов, а одного курда мне отпускать пока не хотелось: я не был убежден, что он может держать язык за зубами.

– Сколько лет лошади?

– Она молодая, пятнадцать лет.

– Отлично, мы пойдем вместе, а остальные нас подождут. Подыщи место, где они могут укрыться в безопасности.

Через четверть часа мы увидели ниже по течению несколько домиков.

– Это здесь, – сказал Алло. – Подожди, я спрячу твоих друзей.

Он прошел с ними вперед, но через несколько минут вернулся.

– Где же они?

– В одном местечке, куда никто не заглянет.

– Там, внизу, ты никому не скажешь, кто я, куда мы идем, и что четверо ждут нас?

– Господин, я не пророню ни слова. Ты так добр ко мне, я обязан многим тебе. Не опасайся!

Я проскакал немного вниз и оказался перед домом, у которого под нависающей крышей были развешаны самые различные принадлежности конюха. За домом была загородка типа корраля⁸, где стояли лошади. Старый тощий курд вышел нам навстречу.

⁸ Корраль – загон (*исп.*).

– Алло, это ты? – воскликнул он удивленно. – Пророк да охранит твои дороги! – И тихо добавил: – А кто этот рослый господин?

Тот, кого спросили, громко произнес:

– Это эфенди из Киркука, едущий в Келекова, чтобы встретиться там с пашой Зинны. Поскольку я знаю дороги, я веду его. У тебя есть еще лошадь на продажу?

– Да, есть, – ответил курд, взгляд которого надолго задержался на моем вороном. – Она за домом, пошли!

Я не хотел оставить их одних, поэтому довольно резво прыгнул с коня, привязал его и последовал за ними.

Животное, предназначавшееся для продажи, явно не относилось к худшим представителям непарнокопытного племени. Я бы не дал ей столько лет, сколько назвал Алло, и очень удивился, увидев, что в загоне имеются куда худшие лошади.

– Сколько она стоит? – поинтересовался я.

– Двести пиастров, – последовал ответ.

– Выведи ее!

Он вывел ее из загородки, пустил шагом, потом галопом, и я еще раз убедился, что она намного ценнее указанной суммы.

– Уложи на нее седло и закрепи груз.

Он проделал все это, и животное послушно выполнило каждое движение его рук.

– У животного есть какие-то недостатки?

– Ни одного, господин! – уверил он меня.

– Наверняка есть хоть один, и лучше, если ты мне его назовешь. Лошадь предназначена для твоего друга Алло, которого ты ведь не собираешься обманывать!

– Я его не обману.

– Тогда ладно, я сам попытаюсь найти недостаток. Сними груз и надень на нее скаковое седло.

– Для чего, господин?

Этот вопрос подтвердил мою уверенность, что я на правильном пути.

– Для того, что мне так хочется!

Он повиновался, и я попросил его сесть в седло.

– Господин, у меня не получится.

– Отчего же?

– У меня трещина в кости ноги, не могу скакать.

– Тогда я сам проедусь!

По его виду я понял, что моя догадка верна. Лошадь меня подпустила, но, когда я занес ногу, чтобы влезть в стремя, она отступила. Она явно не давала мне сесть в седло, пока я плотно не прижал ее к стене сарая. Мне удалось сесть в седло, но она тут же встала на дыбы, едва не опрокинувшись на спину, и стала совершать такие дикие кульбиты, что, в конце концов, выбросила меня из седла. Я использовал весь свой опыт наездника, чтобы упасть аккуратно.

– Человек, эта лошадь бракованная, она не стоит двухсот пиастров. На ней нельзя скакать.

– Господин, она хорошая. Наверное, она только тебя не переносит.

– Я знаю, как это бывает. Она долго ходила под плохим седлом и под еще худшим всадником – лошадь всегда это помнит. Ее можно использовать лишь как выючное животное.

– А тебе не нужно такое животное, господин?

– Нет, сейчас нет, только потом.

– Купи ее, ведь тебе больше не попадется лошадь, которая нужна!

– Зачем мне обременять себя животным, которое мне в тягость?

– Давай за сто пятьдесят!

– Сто и ни пиастром больше!

– Господин, ты шутишь!

– Оставь ее себе, в Бане я куплю другую. Пошли, Алло!

Я залез на вороного, и угольщик затрусил за мной с преданным выражением лица. Мы не сделали и пятидесяти шагов, как услышали возглас:

– Давай за сто тридцать, господин!

Я не ответил.

– Сто двадцать!

Я ехал и ехал.

– Ладно, давай за сотню!

Теперь я вернулся и спросил, продаст ли он мне скаковое седло и попону. Он согласился, и я купил у него вполне

сносное седло и попону за сорок пиастров. Самое удачное для меня – он взял сумму в старых металлических деньгах, накопившихся у меня в карманах в изрядных количествах. Сложив все на лошадь, я попрощался с курдом:

– Живи долго, хоть ты и хотел обмануть своего друга, продавая ему лошадь за тройную цену.

Тот ответил мне хитрой задумчивой улыбкой. Попрощался с ним и Алло, собираясь сесть на лошадь. Его волосатая физиономия светилась от радости, что у него теперь есть такое богатство. Но курд схватил его за руку:

– Во имя Аллаха, не садись на лошадь! Она сбросит тебя, ты сломаешь шею!

– Этот мужчина прав, – вынужден был признать я. – Садись лучше на моего коня, а я сяду на твою лошадь, чтобы показать, как нужно с ней обращаться.

Алло с видимым удовольствием залез на моего жеребца, который спокойно перенес эту процедуру, ибо я был рядом. Я же подвел лошадь к стене и сел в седло. Она снова рванулась вперед. Я какое-то время выждал, потом натянул поводья и пришпорил. Она попыталась встать на дыбы – не удалось, постучала беспомощно копытами, и дыхание у нее сбилось, из всех пор выступил пот, а с губ крупными клочьями стала падать пена. Она стояла как вкопанная, хотя я врубил шпоры.

– Она покорилась, смотри! – произнес я удовлетворенно. – Теперь смотри, как она поскачет, и не пытайся снова

продать другу плохую лошадь! Аллах с тобой!

И я поехал со двора.

– Господин, – обратился ко мне угольщик, – теперь этот черный – мой?

– Нет, – ответил я.

– Почему же?

– Этот черный сбросил бы тебя, если бы меня не было рядом. Ты поедешь на нем только сегодня, потому что завтра эта лошадь станет такой же послушной.

– И она будет моей, когда мы с вами расстанемся?

– Да, при условии, что мы будем тобой довольны.

– О, я сделаю все, что от меня потребуется.

Мы доехали до места, где прятались наши спутники. Все они остались весьма довольны моей сделкой. Только Халеф выразил сожаление.

– Сиди, – сказал он, – Аллах тебе не простит, что ты посадил на своего красавца такую жабу. Ему можно было дать мою лошадь, а я бы взял вороного.

– Оставь его в покое, Халеф! Это обидит его.

– Машалла! Что может обидеть курда, который жжет уголь и выедаёт грязь между пальцев!

Но все осталось по-моему.

К полудню мы добрались до вершин Бане, и после напряженной скачки перед нами открылся проход на юг. Нам предстояло завести лошадей на невиданные высоты, поэтому сегодня было решено дать им отдых и вернуться чуть назад,

в небольшую глубокую долину, края которой густо поросли карликовыми елями. Мы достаточно настреляли дичи, чтобы не ограничивать себя в пище, а после ужина распределили очередность ночной вахты. Здесь, вблизи перехода, эта предосторожность была необходима – воров и разбойников в районе Бане было хоть отбавляй.

Ночь прошла без происшествий, а на рассвете мы уже въезжали в проход – самое подходящее время, чтобы остаться незамеченными.

Дорога вела через голые вершины и каменные пустоши, темные ущелья и спокойные долины, в которых редко когда можно было найти хоть какую-то воду. Все здесь выглядело так, будто в местах этих вообще не появлялся ни один европеец.

Незадолго до обеда мы пересекли поперечную долину. Когда мы уже были на той стороне «перекрестка», Доян встал как вкопанный и бросил на меня умоляющий взгляд. Он заметил что-то подозрительное и просил разрешения покинуть меня ненадолго. Я осмотрелся и не заметил никаких следов присутствия какого-либо живого существа.

– Иди, Доян! – скомандовал я.

Пес тут же исчез в кустарнике. Мгновение спустя раздался крик, а потом звуки, доказавшие мне, что Доян положил кого-то на землю.

– Халеф, подойди!

Мы спрыгнули с лошадей, бросили поводья спутникам и

последовали за собакой. Действительно, рядом с колючим кустом лежал мужчина, а собака стояла над ним, ухватив его зубами за пояс.

– Доян, geri!⁹

Собака отступила, и незнакомец поднялся.

– Что ты здесь делаешь?

Он глянул на меня, будто размышляя, отвечать ему или нет, а вместо этого вдруг резко прыгнул в сторону и как сквозь землю провалился.

По моему знаку собака бросилась следом. Менее минуты спустя мы снова слышали крик ужаса и рычание пса. Рядом с местом, где в первый раз лежал мужчина, на сломанной ветке висело ружье. Я дал Халефу знак забрать его, а потом мы двинулись дальше и увидели уже знакомую картину. Незнакомец так и не отважился сделать движение и выхватить из-за пояса нож.

– Еще раз позволяю тебе подняться, но предупреждаю тебя: если еще раз побежишь, собака тебя разорвет, – сказал я.

Потом я отозвал Дояна. Чужак встал передо мной в покорной позе.

– Кто ты?

– Я житель Сооты, – ответил он.

– Беббе?

– Нет, господин. Мы враги беббе, ведь мы – джиаф.

– Откуда ты идешь?

⁹ Отпусти! (курд.)

– Из Ахмеда Кулвана.

– Это далеко. Что ты там делал?

– Я пас стада тамошнего киаджаса – старейшины деревни.

– И куда направляешься?

– В Сооту к моим друзьям. Джаф отмечают большой праздник.

Так оно вообще-то и было.

– У джаф будут гости на этом празднике?

– Я слышал, что туда собирается хан Хайдар Мирлам со своими беджат.

И это совпадало. Этот мужчина, похоже, не был лжецом.

– А почему же ты прячешься от нас?

– Господин, разве одинокий человек не захочет спрятаться от шести всадников? Здесь, в горах, никогда не знаешь, кто друзья, а кто враги.

– А почему ты побежал от меня?

– Я подумал, что ты враг, потому что натравил на меня свою собаку.

– Ты действительно здесь один?

– Клянусь бородой Пророка, один!

– Тогда иди вперед.

Мы вернулись с ним к моим спутникам, где он все повторил слово в слово. Они так же, как и я, признали, что человек не представляет опасности. Ему вернули его ружье и разрешили идти. Мы продолжили свой путь. Я заметил, что Алло как-то особенно внимательно рассматривает этого человека.

Сидя на лошади, он мурлыкал какую-то нехитрую песенку, как вдруг быстро подъехал ко мне.

– Господин, этот человек обманул вас! Я знал его, но не ведал, кто он такой. Но теперь я вспомнил. Это не джиаф, а беббе, причем родственник, может даже, брат шейха Газалья Габойи. Я встречал их обоих в Нвейзгие.

– Так ли это? Ты не ошибаешься?

– Вообще-то у меня хорошая память...

Я поведал остальным о подозрениях угольщика и заявил:

– Я могу быстро настичь его!

Мохаммед Эмин покачал головой.

– Зачем терять время, возвращаться? Если этот человек действительно беббе, откуда ему знать, что Хайдар Мирлам приглашен к джиаф? Такие вещи обычно держат в секрете.

– И к тому же, – добавил Амад эль-Гандур, – как он может навредить нам? Он идет на север, а мы – на юг. Нас никто не сможет догнать, даже если он расскажет о нас в Бане.

Эти доводы показались мне убедительными, поэтому я решил не возвращаться.

Только англичанин возразил.

– Зачем отпустили парня? – заявил сэр Дэвид после того, как я поведал ему суть разговора. – Надо было его пристрелить, причем без жалости. Любой курд – преступник. Да!

– И бей из Гумри тоже?

– Хм! Пожалуй!

– Сэр, вы неблагодарны.

– Этот бей не встретил бы нас так хорошо, не знай он о нас заранее от Мары Дуриме. Хорошая жена – единственная жена...

Имя Дуриме наваяло на меня поток воспоминаний, которые на мгновение заставили забыть о происходящем. И я ушел в свои мысли, пока англичанин развивал идею о предстоящем завтраке. А ведь он был прав! Мы отмахали, невзирая на сложность дороги, приличный кусок и заслужили отдых. Кстати, лошади тоже. Скоро мы нашли подходящее место, где спешились и растянулись на подстилках. Все, за исключением часовых.

Глава 2

НАПАДЕНИЕ

К тому времени как мы пробудились, животные уже хорошо отдохнули. Я решил проверить, допустит ли до себя угольщика наше новое приобретение. Допустило. Животному, наверное, нравилось, что его здесь не мучают. Так что я смог снова вернуться к своему вороному, и это оказалось весьма кстати, как я вскоре понял.

На вершинах, голых до сей поры, появился лес – мы пробились все дальше на юг. Здесь было больше воды, и поэтому наше продвижение несколько затруднилось. О проторенной дороге не могло быть и речи. Нам приходилось то забираться на немыслимые кручи, то спускаться в расщелины. Иногда мы продирались между дремучих чащоб, а подчас протискивались между скал.

Так к обеду мы оказались в долине с несколькими деревьями. Вдали в голубой дымке возвышалась большая гора, своими отрогами преградившая нам путь.

- Мы пройдем здесь? – спросил я Алло.
- Да, господин. Слева мы проедем у ее подножья.
- Что он говорит? – спросил Линдсей.
- Что наш путь проляжет слева от горы.
- Подумаешь, тоже мне проводник!

Едва он это произнес и только я открыл рот, чтобы возразить ему в ответ на колкость, с обеих сторон бабахнули выстрелы и более пятидесяти всадников показались из-за деревьев, окружив нас.

Это было полной неожиданностью! Все лошади моих спутников были схвачены – все, кроме моей. Благодарить за это я должен был, как позже понял, вовсе не случай. Всадники пытались освободиться от стремян и добраться до оружия. Мы были окружены за считанные секунды, и прямо на меня ехали двое всадников, которых я тут же узнал – шейх Газаль Габоя и бейбе, с которым я вел недавно мирные переговоры. Стреляли только в наших лошадей, нас же хотели захватить живыми. Поэтому я оставил штуцер в покое и взялся за легкое ружье.

– Червяк, теперь ты мой! – кричал шейх. – Теперь ты от меня не уйдешь!

Он замахнулся дубиной, но в тот же миг Доян бросился на него и схватил зубами за ляжку. Тот испустил крик боли, и удар, который предназначался мне, пришелся на голову моего коня. Он громко заржал, взвился в воздух всеми четырьмя копытами и дал мне возможность обрушить удар приклада на плечи бейбе, а потом он понесся, не помня себя от боли.

– Доян! – громко крикнул я, потому как не хотел терять верного пса.

Против меня было направлено множество копий – я отбил их с помощью ружья. Ту скачку я не забуду, пожалуй,

до конца дней. Ни одна яма не показалась мне глубокой, ни один камень – большим, ни один овраг – широким, ни одна скала – слишком гладкой и ни одно болото – топким, все это пролетало мимо, пока мой конь понемногу приходил в себя. Так я оказался один в совершенно незнакомой местности. Правда, я заметил направление, в котором мчался, и передо мной возвышалась та самая гора, о которой мне говорили незадолго до событий.

Что было делать? Ехать за спутниками? Это было исключено – следовало ожидать, что беббе пустятся за мной в погоню. Но как эти курды так далеко забрались в горы? Как они узнали, что мы выбрали именно этот путь? Это было для меня загадкой.

В тот момент я ничего не мог сделать для моих товарищей. Они были или мертвы, или захвачены в плен. Прежде всего, мне следовало спрятаться, и только утром я мог взглянуть, что происходит на месте боя. Только завтра я мог что-либо для них сделать.

Наконец я осмотрел голову моего коня. Вскочила здоровенная шишка. Я отвел жеребца к воде, где и уложил его. Здесь я сделал ему несколько компрессов с поистине материнской заботой. Прошло уже четверть часа, и я услышал какой-то шум. Потом сопенье и кряхтенье, как будто кто-то с трудом переводил дыхание. В следующий момент раздался радостный лай, и Доян прыгнул на меня с такой силой, что я повалился в траву.

— Доян!

Пес прыгал и взвизгивал от радости. С такой же радостью он прыгал на коня, но потом постепенно успокоился. Он, как и я, уберется от ранений. Умное животное скоро заметило, что я забочусь о здоровье лошади. Насмотревшись на меня вдоволь, Доян начал обстоятельно вылизывать пораженное место на голове коня. Жеребец лежал спокойно, и лишь время от времени издавал удовлетворенное ржанье.

Так мы пролежали некоторое время, пока я, наконец, не счел необходимым покинуть это благословенное место. Лучше всего было поискать подножье той горы, о которой говорил угольщик. Я снова сел в седло и поехал на поиски.

Склоны горы были покрыты густым лесом, и только глубоко в долине, через которую непременно должен был пролегать наш путь, было свободное пространство. Там я заметил далеко выступающий участок леса, откуда можно было бы видеть любого подъезжающего. Туда я и направился. Там я спешился и побеспокоился о надежном укрытии для лошади. Едва я углубился в лес, как Доян дал мне знак, что его что-то обеспокоило. Я взял его на поводок, привязал коня к дереву и пошел за собакой с заряженным штуцером в руке.

Мы медленно пробирались вперед. Пес так тянул поводок, что тот, казалось, вот-вот лопнет. Между двумя пиниями он залаял. Там росло множество папоротников, и когда я стал разводить их резные метелки, обнаружил дыру шага два в диаметре, наискось уходящую в землю. Логово зверя? Вряд

ли. Но когда я со штуцером наизготовку приготовился осторожно спускаться, то почувствовал, что там кто-то есть, и не обязательно враг, как я понял по поведению Дояна. Я сделал ему знак идти вперед, но он вместо этого завилял хвостом и стал бросать умилительно радостные взгляды на отверстие.

Тут я решил спускаться. И сразу же увидел волосатую всклокоченную голову. Вот где зарыта собака – в прямом смысле слова! Там, внизу, похоже, прятался пес угольщика!

Он, вероятно, убежал, когда услышал выстрелы, и от страха забрался в пещеру.

– Эпса! – позвал я.

Мне чудом удалось запомнить кличку пса. В дыре было тихо. Я раздвинул папоротники. И что же я увидел? Вернее, услышал. Глухое бормотание, потом показалась шевелюра, широкий нос, два глаза, потом две руки с длинными ногтями, дырявый мешок и, наконец, сапоги Колосса Родосского. Передо мной стоял Алло собственной персоной, цел и невредим!

Меня это обрадовало, ибо раз спасся один, значит, есть надежда, что уцелел кто-то еще из моих спутников.

– Алло, ты ли это? – вскричал я.

– Да, это я, – спокойно отвечал он.

– А где твоя собака?

– Убили, господин, – с грустью ответил он.

– А как ты уцелел?

– Когда все поскакали за тобой, никто не обратил на нас

внимания, и я прыгнул в кустарник. И пришел сюда, поскольку помню, что говорил тебе, что надо идти вперед. Я знал, что ты появишься здесь, если беббе тебя не найдут.

– Кто еще уцелел?

– Это мне неизвестно.

– Мы должны подождать, пока кто-нибудь еще не найдет-ся. Поищи мне убежище для коня.

– Я знаю очень хорошее место, господин.

– Здесь, в этой местности?

– Я здесь жег уголь. Иди за мной с конем!

Он с четверть часа вел меня вверх. Там возвышалась скала, густо заросшая ежевикой. В одном месте он развел кусты, и обнажилось углубление, в котором нашлось бы место для лошади.

– Здесь я жил, – объяснил он. – Привяжи лошадь вот здесь, я нарежу ей корма.

Рядом было врыто много бревен, которые раньше вполне могли служить ножками для столов, правда, по восточным обычаям, очень короткими ножками. К одной такой ножке я и привязал лошадь, при этом она целиком находилась в укрытии. Курда я застал за нарезанием травы.

– Иди вверх, господин, – попросил он, – снизу может кто-нибудь прийти. Я пойду следом, как только освобожусь.

Я последовал его совету и расположился так, что мог все видеть, а сам был незаметен. Через пятнадцать минут появился угольщик.

– Лошадь в безопасности? – спросил я, и когда получил утвердительный ответ, продолжал: – Ты, наверное, голоден? Невразумительное бормотание было мне ответом.

– К сожалению, у меня ничего нет. Надо потерпеть до завтрашнего утра.

Он опять что-то пробормотал, а потом вкрадчиво спросил:

– Господин, а за сегодняшний день я получу два пиастра?

– Получишь четыре.

Теперь уже к бормотанию стали примешиваться радостные нотки, потом все вообще стихло. Настала ночь. И когда пропал последний луч уходящего дня, мне показалось, что по ту сторону просеки, лежащей от нас слева, между деревьями появилась какая-то фигура. Она была так расплывчатая, что я приподнялся, чтобы удостовериться, не ошибся ли я. Курд старался держаться поближе к моему ружью. Я взял пса на поводок и пошел вперед.

Мне пришлось обогнуть изгиб просеки, но уже на полпути я заметил, что фигура переходит просеку. В нескольких сильных прыжков я преодолел необходимое расстояние и оказался рядом с фигурой. Я хотел броситься на нее, но Доян удержал меня от прыжка. Он приветливо заскулил. Фигура услышала эти звуки и замерла в страхе.

– Кто это?

Две длинные руки вытянулись в мою сторону.

– Линдсей! Сэр Линдсей! Вы ли это? – крикнул я.

– О! Мистер! Это я! А вы? А! Это вы! Да!

Он был так рад, что обнял меня с несвойственной для него нежностью, попытался даже поцеловать, при этом его большой нос явно пострадал бы.

– Вот уж не думал, сэр Дэвид, встретить вас тут.

– Почему? Горилла... о нет, угольщик говорил, что мы должны были оказаться в этом месте.

– Но как вам удалось спастись?

– Хм! Это было как-то быстро. Лошадь подо мной убили, я упал и пополз в сторону, когда все ринулись за вами.

– Совсем как Алло!

– Алло? Он тоже так поступил? И он здесь?

– Там сидит. Пошли!

Я повел его на наш наблюдательный пункт. Курд был необычайно рад, увидев второго спасенного.

– Как вам удалось удрать? – спросил меня Линдсей.

Я все ему рассказал.

– А конь ваш невредим?

– Если не считать шишки.

– А моя лошадь погибла! Бедное животное! Я этих беббе убью, всех прикончу!

– А ружье у вас осталось?

– Ружье? Вот оно, можете взять.

В темноте я его и не заметил.

– Как здорово, сэр! Это ружье просто незаменимо.

– У меня есть и нож, и револьвер с патронами в сумке!

– Как хорошо, что все это было не в седельной сумке! Но не знаете ли вы, уцелел ли кто-нибудь из наших?

– Едва ли. Халеф лежал под своей лошадью, а хаддедины оказались прямо среди беббе.

– О Боже, значит, все трое погибли!

– Подождите хоронить их, мистер! Аллах акбар, то есть Аллах велик, как говорят турки.

– Вы правы, сэр! Рано делать выводы, надо попытаться выяснить, может, они в плену, и тогда выручить их.

– Правильно, а теперь спать. Я так устал, столько бежал. Спать без одеяла! Проклятые беббе. Чертова страна!

Они с курдом быстро заснули. Я же пободрствовал какое-то время и из последних сил пошел наверх, к жеребцу. Потом и я прикорнул, приказав верному псу нести неусыпную вахту.

Сон мой был нарушен энергичным прикосновением к моей руке. Я окончательно проснулся. Утро уже занялось.

– В чем дело? – спросил я.

Вместо ответа курд указал на противоположный край кустарников – там стояла антилопа, видимо, намереваясь отправиться на водопой. Нам нужно было мясо и, рискуя привлечь к себе внимание выстрелом, я потянулся к ружью. Прицелился и нажал на спуск. При звуке выстрела Линдсей буквально подпрыгнул:

– Что такое? Где враг? Где? Кто?

– Вон он, там внизу лежит.

Он посмотрел в указанном направлении.

– А! Антилопа! Отлично! Ее можно отменно приготовить.

Маковой росинки не было со вчерашнего полудня.

Алло побежал за дичью. Спустя несколько минут уже горел костер и жарилось сочное мясо. Его было столько, что хватило с лихвой и Дояну.

Во время завтрака мы приняли решение подождать до полудня, а потом провести расследование, как там ситуация с беббе. Во время нашего совещания Доян вдруг поднялся и посмотрел в сторону леса. Какое-то время он как бы пребывал в нерешительности, а потом прыгнул вперед, не «посоветовавшись» со мной. Я быстро поднялся, чтобы взять ружье и последовать за ним, но замер на месте, услышав вместо яростного лая приветливое повизгивание.

Вслед за этим к нам вышел мой маленький хаджи Халеф Омар, правда, без лошади, но в полном вооружении – с оружием, пистолетами и ножом за поясом.

– Слава Аллаху, сиди, что я нашел тебя и ты жив! – приветствовал он меня. – Мое сердце было полно заботой о тебе, но меня поила надежда, что твоего жеребца вряд ли кто-то может догнать!

– Хаджи! – закричал Линдсей. – О! А! Не убили! Прекрасно! Несравненно! Прямо к горячему!

Добрый Линдсей сразу же повернул дело в практическое русло. Халеф был немало обрадован увидеть живыми и невредимыми его, Линдсея, и своего хозяина; но не мень-

шую радость испытал он и от куска жаркого, преподнесенного ему англичанином.

– Как тебе удалось спастись? – спросил я его.

– Беббе стреляли по лошадям, – рассказал он. – И мою подстрелили, а я так и остался в седле. Они даже не поинтересовались нами, а все устремились за тобой. Аллах наградил их слепотой, и они так и не увидели, как скрылись курд и мистер. И я тоже высвободился, забрал оружие и убежал.

Какая невнимательность со стороны беббе! Они стреляли только по лошадям, чтобы захватить всадников живыми, и упустили их!

– А ты не видел хаддединов, Халеф?

– Я лишь видел, когда убегал, что их захватили.

– О, тогда нам нельзя терять времени. Надо их отбить!

– Подожди, сиди, дай я расскажу. Когда я спрятался надежно, то подумал: дай-ка я лучше понаблюдаю за ними, чем побегу дальше. Я залез на дерево, листва скрыла меня полностью. Там я пробыл до вечера, и только когда стемнело, я снова слез.

– И что же ты оттуда увидел?

– Беббе не собирались уезжать оттуда, они разбили лагерь. Я насчитал около восьмидесяти воинов.

– Как он устроен?

– Они построили хижины из веток. В одной лежат связанные по рукам и ногам хаддедины.

– Ты точно это знаешь?

– Да, сиди! Ночью я облазил весь лагерь, пытаюсь добратъся до пленных. Не удалось. Тебе-то это удастся, сиди, ведь это ты учил меня искусству красться.

– Я не понимаю, почему они сразу не покинули это место.

– Мне бы тоже не удалось понять, сиди.

– Я должен тебя похвалить, Халеф! Тебе удалось так близко подобраться к нам, что мы тебя не заметили. Из чего ты заключил, что я нахожусь именно здесь?

– Из твоей привычки выбирать места, где тебя не видно, но откуда ты можешь за всем наблюдать.

– Ладно, теперь дайте мне подумать, что делать дальше. Алло, отведи моего жеребца напиться и дай ему еще травы.

Угольщик не успел подняться, чтобы выполнить поручение, как пес тихо заворчал. Внизу показался всадник, который быстро приближался, пустив лошадь рысью.

– Эй, мне убраться его, мистер? – спросил Линдсей.

– Никоим образом!

– Но ведь это беббе!

– Не трогайте его, мы ведь не коварные убийцы!

– Но тогда получим лошадь!

– Мы и так получим.

– Хм! Не коварный убийца, но плутишка. Ворует лошадей. Хм! Этот беббе появился здесь явно не случайно. Зачем он покинул своих, куда направляется?

Приблизительно через час загадка была разгадана, ибо всадник неся мимо нас без понятия, что мы находимся на

его пути.

– Что он там внизу делал, этот парень? – спросил Линдсей.

– Он посланец.

– Посланец? От кого?

– От шейха Газаля Габойи.

– К кому?

– К отряду беббе, находящемуся отсюда в получасе езды.

– А откуда вы знаете?

– Я так полагаю. Этот шейх каким-то образом узнал, что мы приедем, и выставил две засады для надежности.

– Неужели это правда?

Вот это мне и надо было исследовать. Было обговорено, что англичанин останется с Алло и с моим конем в нашем прежнем укрытии, тогда как я с Халефом пойду на разведку. Если я до обеда следующего дня не вернусь, сэр Дэвид на моей лошади поедет в Бистан (угольщик его проводит) и там, у брата Алло, будет ждать меня четырнадцать дней.

– Если я с Халефом и тогда не приеду, – заключил я, – значит, нас нет в живых, и вы, сэр Дэвид, можете унаследовать мое имущество.

– Мда. Наследство! Да я разнесу весь Курдистан! И что же это за наследство?

– Мой конь.

– Этого не будет. Если вас убьют, эту страну сотрут с лица земли! И коней, и овец, и ослов, и беббе. Всех!

– Ну, не будем пока заходить так далеко. Наши задачи ку-

да более скромные. Пока что надо проучить курдов банна.
– Только сделайте это как следует! Не говоря им ни слова!
Молча!

Проинструктировав Алло, я забросил за плечо оба ружья и доверился Халефу.

Он повел меня той же дорогой, которую проделал утром, и убедил меня в том, что он действительно очень способный ученик. Он использовал любое, даже самое незаметное, укрытие на местности, осматривал окрестности и двигался как индеец, совершенно не оставляя следов.

Мы пробирались между деревьев, но так, что перед нами было открытое пространство. При мне была собака, и при благоприятном ветре нам не грозила никакая неожиданность.

Вскоре мы оказались у места, где на нас напали. Халеф хотел сопровождать меня дальше, но я не позволил ему.

– Если меня поймают, ты знаешь, где найти англичанина. Лучше всего тебе залезть на одну из тех вон пиний, которые растут близко друг к другу, – их густые ветви надежно спрячут тебя. Распознать звук моего ружья или грохот штуцера ты ведь сможешь? Я окажусь в опасности, только если ты услышишь мои выстрелы.

– А что мне тогда делать?

– Сидеть и ждать, пока я громко не позову тебя, а теперь лезь наверх!

Я свистнул Дояна, и мы двинулись. Дело было опасным

– при полном свете подобраться к вражескому стану, чтобы все увидеть и запомнить.

Через некоторое время я увидел сквозь ветви первый шалаш. Он был сооружен в виде пирамиды, по древнему способу, из веток. Я снова подался назад, чтобы сделать полукруг и зайти с другой стороны, – надо было убедиться, забрались ли беббе в лес. В этом случае они оказались бы у меня за спиной, и я был бы неминуемо обнаружен.

Я пробирался от дерева к дереву, выбирая самые толстые стволы. Скоро я понял, что меры осторожности не оказались лишними – я услышал человеческие голоса, на это же указал мне Доян, ткнув меня мордой. Умное животное не издало ни звука и только смотрело на меня большими круглыми глазами. Продвигаясь в сторону, откуда доносились голоса, я вскоре увидел троих мужчин под деревом, которое с трех сторон окружала молодая поросль лавровишни. Это место было будто специально создано для подслушивания. И как только я понял, что тема их разговора – вчерашние события, я неслышно пополз вперед до самых кустов, где мог уже отчетливо слышать все их фразы.

Каково же было мое удивление, когда в одном из них я признал курда, которого дважды придавливал Доян, а я отпускал, потому, как он выдавал себя за джиаф! И пес тоже узнал его – глаза Дояна сверкали злобой, но он не издал ни звука! Алло был прав. Этот курд был беббе и стоял на посту, чтобы доложить о нашем прибытии. Наверняка у него была

припрятана лошадь, и он сразу поскакал к своим, хотя мы полагали, что он двинулся на север.

– Все они глупцы, все! – говорил он. – Но всех глупее тот мужчина, что скакал на вороном жеребце.

Это он обо мне? Очень лестное замечание.

– Если бы он не захватил бы и не оскорбил оставшихся позади беджат, – продолжал рассказчик, – они бы не смогли рассказать нам, что подслушали. А он говорил о пути, который наметил.

Теперь разрешилась и эта загадка. Когда мы решали покинуть беджат, нас подслушали. Беджат выдали его за пленника беббе, чтобы добиться милосердия их победителей.

– Глупцом он был еще и потому, что дал тебе себя обмануть!

– Да, но еще глупее повел себя Газаль Габойя, когда приказал уберечь всадников и вороного. То, что первые пропали, – шайтан с ними, а вот коня жаль. Люди без лошадей и с ними их предводитель могли бы просочиться через горы незаметно, а вот с конем им так просто не уйти. Мы их внизу обязательно настигнем.

Трое беббе насобирали грибов, и здесь они их чистили и резали, чтобы потом отнести в лагерь. Прекрасное место для доверительного обмена мнениями!

– И что же решил шейх? – спросил третий.

– Он послал гонца. Другой отряд должен дожидаться, пока взойдет солнце. Если к тому времени никто из беглецов не

обнаружится, остальные сядут на коней и примкнут к нам для поисков. И мы сегодня же вернемся.

— А что станется с двумя пленниками?

— Это правоверные и очень твердые люди, они до сих пор не произнесли ни слова. Но они скажут, кто они, и заплатят выкуп, если не хотят умереть.

Я услышал достаточно и осторожно пополз назад. Эти трое уже заканчивали и если бы поднялись, то увидели бы меня.

Итак, я был глупцом, самым глупым из всех нас! Этот сомнительный комплимент показался мне справедливым. Но, тем не менее, нужно было срочно что-то предпринимать. К полудню хаддедины должны быть освобождены. Но как?

Трое мужчин поднялись со своих мест. Значит, я отполз вовремя. Тот, кто выдавал себя за джиаф, произнес: «Идите, я должен сначала приглядеть за лошадьми». За ним-то я и последовал. Он, сам того не ведая, привел меня в ложину, по дну которой текла речушка. Здесь к стволам деревьев и кустарников были привязаны восемьдесят лошадей на таком пространстве, чтобы для каждой хватило выпаса. Место было светлое и солнечное, и от первой до последней лошади было всего восемьсот шагов.

Сверху мне все было отлично видно. Лошади были прекрасными, но мне особенно приглянулись шесть. Порадовало меня и то, что за всеми ними наблюдал лишь один курд. Справиться с ним было бы делом несложным.

Мой незванный помощник подошел к кауруму коню с белым пятном на лбу, наверное, лучшему в табуне. Он явно был его хозяином, и мне захотелось отблагодарить его за комплименты. «В лучшем случае он пойдет домой на своих двоих».

Он переговорил накоротке с часовым и пошел в лагерь. Я последовал за ним, убежденный в том, что по дороге больше никто не встретится. Поэтому я шел близко-близко к нему.

По пути я насчитал шестнадцать хижин, образующих полукруг в тени деревьев. В самой большой поселился шейх Газаль Габоя – на ее макушке красовался большой тюрбан. Она находилась на ближнем ко мне конце полукруга, а рядом располагалась хижина с пленниками – перед ней сидели два курда с ружьями в руках.

Теперь я мог возвращаться к Халефу. Он все еще сидел на дереве. Я посвятил его в свой сложный план освобождения, а потом мы спрятались в месте, откуда можно было обозревать окрестности, и стали с нетерпением ждать. Такое ожидание всегда отнимает много нервов, в то время как само действие совершается спокойно и хладнокровно.

Прошло два часа, когда, наконец, внизу появился одинокий всадник.

– Это говорит о том, что они идут, – сказал Халеф.

– Быть может, ты видел высокую ель над углублением, где находятся лошади?

– Да, сиди.

– Двигайся туда и жди меня там. Я должен послушать, что скажет этот всадник. Возьми с собой Дояна, он мне сейчас не нужен. И оружие заberi.

Он забрал собаку и ушел. Я же так близко подобрался к палатке шейха, что слышал, как там разговаривали. Едва я успел укрыться за стволом, как появился всадник. Он спрыгнул с лошади.

– Где шейх? – спросил он.

– Там, в своей палатке.

Газаль Габойя вышел наружу.

– Что ты привез?

– Воины должны скоро появиться.

– А беглецов не видели?

– Нет.

– Ваши глаза были закрыты.

– Мы несли вахту всю ночь. Мы прочесали все долины вокруг.

– Вон они идут! – крикнул кто-то за пределами лагеря. На этот крик все сбегались на поляну, оба стража тоже отошли от палатки. Они могли не опасаться – их пленники были связаны.

Ситуация была как нельзя более удачной. Одним прыжком я оказался за палаткой. Два удара ножом – и я внутри. Они лежали рядом со связанными руками и ногами.

– Мохаммед Эмин, Амад эль-Гандур, вставайте, живо! Две секунды понадобилось, чтобы перерезать веревки.

– Пошли, быстро!

– Без оружия? – спросил Мохаммед Эмин.

– Кто у вас его забрал?

– Шейх.

Я выбрался из палатки и огляделся. Никто не наблюдал за лагерем.

– Выходите и за мной!

Я подскочил к палатке шейха и нырнул внутрь, хаддедины – следом за мной. Они пребывали в состоянии лихорадочного возбуждения. Здесь висело их оружие, а также два разряженных пистолета и длинное персидское ружье шейха. Я схватил пистолеты и ружье и выглянул. Мы пока оставались незамеченными.

Путь до Халефа занял несколько минут.

– Машалла! Слава Аллаху! – вскричал он.

– Теперь к лошадям! – приказал я.

Часовой сидел внизу, повернувшись к нам спиной. В одно мгновение вперед выскочила собака, и парень оказался на земле. Он успел один раз крикнуть, на второй у него уже не хватило мужества. Я указал на шесть лучших лошадей и крикнул Амаду эль-Гандуру:

– Придержи их пока! Халеф, Мохаммед, скорее гоните остальных в лес!

Оба поняли меня с полуслова. По двадцать пять привязей на человека – не так уж много, а затем мы погнали освобожденных животных пинками и камнями в лес. Амаду с тру-

дом удавалось удерживать шесть лошадей. Я повесил на них ружья и засунул пистолеты в седельные сумки. Затем сел на каурого и взял на повод второго.

– А теперь вперед! Самое время!

Даже не оглядываясь, я погнал каурого по откосу наверх, а потом нас принял густой лес. Здесь из-за пересеченной местности пришлось двигаться медленно. К тому же мы ехали в объезд. Но, в конце концов, выбрались на удобную тропу, по которой мы поскакали быстрее.

Сзади слышались громкие крики, но нам некогда было разбираться. Только вперед!

Нам пришлось сделать большую дугу, и в том месте, где эта дуга начиналась, показались два всадника. Едва заметив нас, один из них развернулся, а второй поскакал за нами.

– Давайте в галоп, быстрее, иначе я останусь без жеребца! – крикнул я. – Мы обгоним беббе на поворотах!

Надо сказать, что выбор мы сделали прекрасный: лошади оказались отличными скакунами. Скоро показался наш лес. Мы скрылись между деревьев. Я обнаружил только Алло.

– А где эмир? – спросил я у него.

– Наверху с конем.

– Вот ружье. Садись на этого Лиса. Он твой.

Я отдал ему ружье шейха и поскакал наверх, к пещере.

– Уже обернулись, мистер? О! А! Как прошло дельце?

– Хорошо! Хорошо! Но у нас нет времени, нас преследуют. Скачите изо всех сил вниз, сэр, там вас ждет лошадь.

– Преследуют! Отлично! Что, лошадь? Ах! Хорошо!

Он поскакал с горы. Я отвязал вороного и повел его вниз. Это заняло больше времени, чем мне хотелось, и когда я оказался внизу, все уже сидели верхом, а Халеф держал двух на привязи.

– Слишком поздно, эфенди, – сказал Мохаммед Эмин, – посмотри!

Всадника, преследовавшего нас, уже было видно. Я пригляделся и узнал в нем моего парня.

– Видите, кто это? – спросил я.

– Да, сиди, – отозвался Халеф. – Это вчерашний джиаф.

– Это беббе, и он предал нас. Подпустим его – и он наш.

– А если другие приедут?

– Так быстро у них не получится. Сэр Дэвид! Мы скачем вперед и берем его в клещи. Если он захочет стрелять, мы выбиваем у него оружие из рук.

– Отлично, мистер!

Тут беббе исчез за следующим поворотом дороги, и мы покинули наше укрытие. Когда мы подъехали к этому повороту, то оказались на пятьдесят шагов ближе. Он услышал нас и обернулся. Беббе так испугался, что непроизвольно остановил лошадь. Прежде чем он опомнился, мы окружили его.

Он рванулся за ножом. Я перехватил его руку и сжал ее так, что он выронил оружие. А пока Линдсей забирал у него копье, я перерезал ремень, на котором висело его ружье, и

оно упало. Он был разоружен, и его лошадь уже скакала с нашими в одном строю. Так распорядилась судьба.

Мы значительно продвинулись на юг, и когда отъехали на приличное расстояние, сбавили темп, Алло выехал вперед указывать дорогу.

– Что делать с этим парнем, мистер? – спросил Линдсей.

– Наказать!

– Да уж, лжеджиаф! Как накажем?

– Не знаю, посоветуемся.

– О, верхняя палата, нижняя палата! А как вы освободили хаддединов?

Я вкратце поведал ему эту историю. Когда я уже заканчивал свой рассказ о том, как обезоружил часового у лошадей, мне вдруг ударило в голову:

– О! Что я наделал!

– Что такое, мистер? Ведь все хорошо!

– Я в спешке забыл забрать своего пса!

– Какая неприятность! Но он сам прибежит!

– Да нет, он, наверное, погиб и часовой тоже.

– Почему погиб?

– Потому что если его побеспокоить или угрожать ему, он вцепится человеку, которого он охраняет, в горло. А потом беббе его, конечно, застрелит.

Я бы вернулся ради него, но был уверен, что его нет в живых! О потере верной и умной собаки погоревал и Халеф. Я провел несколько полуденных часов в унынии. Вечером мы

сделали остановку и только тогда связали беббе. Несмотря на спешку, у Халефа нашлось время нагрузить на пустую лошадь убитого козла, так что едой мы были обеспечены.

После еды пленный был допрошен. До сих пор он не произнес ни слова. Пока он терпеливо сносил все, что с ним происходит, потому как надеялся, что свои вот-вот его освободят.

– Послушай, человек, – начал я допрос, – ты кто, джиаф или беббе?

Он молчал.

– Отвечай на вопрос!

Он и глазом не повел.

– Халеф, сними тюрбан и срежь-ка ему прядь волос!

Это самое большое оскорбление, какое только можно нанести курду и мусульманину вообще. Когда Халеф с ножом в правой руке подошел слева к нему, тот взмолился:

– Господин, не трогай волосы! Я отвечу!

– Хорошо! К какому племени ты относишься?

– К беббе.

– Вчера ты солгал нам!

– Врагам нельзя говорить правду.

– Ты просто негодяй. Кроме того, ты клялся бородой Пророка.

– Клятва, данная неверному, не считается таковой.

– Ты давал ее и правоверным, их четверо среди нас.

– Это меня не касается.

– И потом, ты назвал меня глупцом!

– Это ложь, господин!

– Ты говорил, что мы все глупцы, а я – самый главный. Я слышал это собственными ушами за лагерем, когда вы резали грибы. Я все слышал, а потом я похитил ваших пленников и лошадей. Так что ты мог видеть, насколько я глуп.

– Прости, господин!

– Мне нечего тебе прощать, ибо слово из твоего рта не оскорбит эмира из Франкистана. Вчера я освободил тебя, хотя ты не заслуживал этого. Сегодня ты снова в моих руках. Кто из нас умнее? Ты ведь брат шейха Газала Габойи?

– Нет.

– Хаджи Халеф, отрежь ему прядь волос!

Это помогло.

– Кто тебе сказал, что я брат шейха?

– Один из тех, кто тебя знает.

– Тогда скажи, какой выкуп тебе нужен?

– Вы хотели получить за них, – я показал на хаддединов, – деньги, вы, курды. Я же не прошу никакого выкупа, ибо я христианин. Я поймал тебя только для того, чтобы показать, что у нас больше ума, мужества и чести, чем вы думаете. Кто сегодня первым заметил, что пленники сбежали?

– Шейх.

– А как он это заметил?

– Он вошел в палатку, а там не было ружей пленников и его оружия тоже.

– Я все это забрал.

– Я полагал, христианин не может взять без спроса!

– Это верно. Христианин не должен брать чужое добро, но он и не даст обворовать себя каким-то курдам. Вы застрелили наших лошадей, которые были нам дороги, и я взял за них шестерых ваших, которые нам недороги. У нас в сумках было много нужных нам вещей – вы украли их, а за это я позаимствовал оружие шейха. Мы совершили обмен: вы начали обмен силой, а я закончил его силой.

– Наши лошади лучше, чем ваши!

– А зачем тогда понадобилась моя?

– Шейх хотел ее иметь.

– Он действительно верил в то, что получит моего скакуна? И даже если бы это случилось, я бы нашел способ его вернуть. Кто обнаружил сегодня отсутствие лошадей?

– Тоже шейх. Он, после того как не нашел пленников, кинулся к лошадям.

– И он ничего не обнаружил?

– Часового, лежащего под собакой.

– И шейх освободил его?

– Нет. Он попал под собаку в наказание за то, что был плохим часовым.

– Но это же бесчеловечно. Разве вы не люди?

– Так приказал шейх.

– И это случилось бы и с тобой, если бы ты недосмотрел?
Я лежал за лавровишней, всего лишь в одном шаге от тебя,

потом подобрался к лошадям, о которых толком ничего не знал...

– Господин, не говорите об этом шейху!

– Будь спокоен! Я буду иметь дело только с тобой. Я сейчас сообщу своим спутникам твои слова, и они решат твою судьбу. Тебя будут судить не двое христиан, а четверо мусульман.

И я перевел мой разговор с беббе своим товарищам.

– Что ты хочешь с ним делать? – спросил Мохаммед.

– Ничего, – ответил я спокойно.

– Эмир, он нас обманул, предал и выдал в руки врага. Он заслуживает смерти.

– И что самое главное, – добавил Амад эль-Гандур, – при этом он клялся на бороде Пророка. Он трижды заслуживает смерти.

– Что ты скажешь на это, сиди? – спросил Халеф.

– Ничего. Сами решайте, что с ним делать!

Пока четверо мусульман совещались, англичанин допытывался у меня:

– Ну что, что с ним будет?

– Я не знаю. А что могло бы быть?

– Да пристрелить.

– А право у нас на это есть?

– Да, есть!

– По закону дело пойдет так: мы ставим в известность консула, потом жалоба идет в Константинополь, а оттуда паша

Сулейманин получает распоряжение наказать злоумышленников или сам штрафует их.

– Сложной дорогой идет закон!

– Но это единственный путь для иностранных граждан. И еще: как христианин, что бы вы сделали с этим врагом?

– Не мучайте меня этими вопросами, мистер! Я англичанин. Делайте что хотите!

– А если я его просто отпущу?

– Пусть бежит. Я за него не беспокоюсь, он не заслуживает смерти. Лучше бы ему привесить мой больной нос – это было бы лучшим наказанием для человека, показавшего нам нос вчера, да такой, что почище моего будет! Да уж!

Бebbe, похоже, опять томился от неизвестности. Он снова взмолился:

– Господин, что со мной будет?

– Это целиком зависит от тебя. Кого ты желаешь видеть своими судьями? Четырех правоверных или двух гяуров?

– Господин, я взываю к Аллаху и Пророку, судить меня могут настоящие верующие.

– Да исполнится воля твоя! Они оба простили тебя и передадут завтра твоим. Я умываю руки. Пусть будет что будет.

Наконец приняли решение остальные.

– Эмир, мы застрелим его, – сказал Мохаммед.

– Этого я не допущу ни в коем случае.

– Он обманул Пророка!

– А вы что, судьи ему? Пусть решает сам свои дела с има-

мом, Пророком и своей совестью!

– Он шпионил и предал!

– А кто-нибудь лишился от этого жизни?

– Нет, но мы потеряли другое.

– Хаджи Халеф Омар, ты знаешь мое решение. Мне неприятно видеть тебя таким кровожадным.

– Сиди, я не желал этого, – истово оправдывался он. – Этого хотят хаддедины и банна.

– Я полагаю, что банна вообще здесь должен помолчать. Он наш проводник, и ему за это платят. Измените ваш приговор!

Они снова зашептались, потом Мохаммед Эмин сообщил мне результат:

– Эмир, нам не нужна его жизнь, но он должен быть обесчещен. Мы отрежем у него прядь волос и ударим его прутом по лицу. Кто подвергается такому наказанию, лишается чести навсегда.

– Это еще страшнее смерти и не дает успешного результата. Я влепил одному бейбе пощечину, потому как он оскорбил мою веру, а вчера он дрался на стороне шейха против меня. Его унизили эти удары?

– Отрезанная прядь унизит!

– Он возьмет и наденет тюрбан, чтобы ее не было видно.

– Ты же сам хотел это сделать еще совсем недавно!

– Нет, я бы это ни за что не сделал. То была лишь угроза, чтобы заставить его говорить! И вообще – зачем вам еще

больше настраивать этого беебе против нас? Они ощущают себя истинными нашими врагами, потому что считают нас сообщниками беджат. Они не знают, что мы не участвовали в разбойничьем рейде, не знают, что я открыто, в лицо сказал хану Хайдару Мир ламу, что предупредил бы беебе, если бы у меня была хоть малейшая возможность. Они встретили нас вместе с разбойниками и таковыми посчитали. Сейчас мы ускользнули от них, и, надеюсь, они нас оставили в покое. И вы хотите своей жестокостью заставить их снова обернуть оружие против нас?

– Эмир, мы были их пленниками, нам необходимо отомстить.

– Я тоже был пленником, причем чаще, чем вы, но я никогда не мстил. Раис из Шофра, Надир-бей – он захватывал меня в плен. Я сам освобождался и прощал все, а потом он стал моим другом. Разве это не лучше, чем если бы мы устроили кровавую резню?

– Эмир, ты христианин, а христиане либо предатели, либо – бабы!

– Мохаммед Эмин, повтори то, что ты сказал, и с этой минуты наши пути разойдутся. Я никогда не вмешивался в твою веру, почему ты лезешь в мою? Ты видел хоть раз, что Линдсей или я кого-нибудь предавали или вели себя как бабы? Я бы мог высказать много претензий исламу, сказать, что мусульмане неблагодарны, что они забыли сделанное для них Христом, – но я же этого никогда не говорю.

Он вскочил и выставил вперед руки:

– Эмир, прости меня! Моя борода белая, а твоя еще черная, но хотя сердце твое молодое и горячее, рассудок у тебя как у мудрого старца. Мы отдаем тебе этого парня. Делай с ним что хочешь!

– Мохаммед, я благодарю тебя. Твой сын согласен?

– Да, эфенди! – ответил Амад эль-Гандур.

Я повернулся к пленнику:

– Ты нам солгал однажды. Сейчас ты обещаешь говорить правду?

– Обещаю!

– Если я сейчас развяжу тебя, ты обещаешь не сбежать? Сдержишь слово?

– Господин, я обещаю!

– Хорошо. Эти четверо мусульман вернули тебе свободу. Сегодня ты еще останешься с нами, а завтра можешь идти куда пожелаешь.

Я развязал ему руки и ноги.

– Господин, я не обману тебя, но ты сам говоришь мне неправду.

– Неправду?

– Ты сказал, что эти, люди вернули мне свободу, но это неправда. Лично ты сделал это. А они сначала хотели меня застрелить, потом наказать прутьями и отрезать прядь волос! Ты же сжалился надо мной. Я понял все, потому что понимаю арабский так же, как и курдский. И я понял, что вы

не пособники беджат, а друзья беббе. Эмир, ты христианин, я ненавидел христиан. Сегодня я их узнал лучше. Хочешь быть моим другом и братом?

– Да, хочу.

– Ты доверишься мне и останешься здесь, хотя завтра ваши преследователи окажутся в этих местах?

– Я доверюсь тебе.

– Тогда дай мне руку!

– Вот она. Но будут ли в безопасности мои друзья?

– Все, кто близок тебе. Ты не требовал с меня выкуп, ты спас мне жизнь, а затем и честь, так что с головы твоих людей не упадет ни один волосок!

Сколько забот одновременно сняли мы с себя! Я и не предполагал, что этот человек понимал и арабский, но, к счастью, это обернулось на пользу. На радости я достал из седельной сумки последний табак, его сладкий дым сразу улучшил настроение, и с легким сердцем мы улеглись спать и даже не выставили часового.

На следующее утро реальное положение вещей казалось мне не таким романтическим, как вечером, при свете костра; но я все же решил довериться беббе до конца.

– Ты свободен, – сказал я ему, – вот стоит твоя лошадь, а оружие ты подберешь на обратном пути.

– Мои сами заберут его, я останусь здесь, – ответил он.

– А если они не придут?

– Они придут! – убедительно возразил он. – А я позабо-

чусь о том, чтобы они не проскакали мимо.

Эту ночь мы провели в одной из боковых долин, столь изогнутых и с таким узким входом, что нас невозможно было заметить из главной долины даже днем.

Бebbe устроился у этого выхода так, что мог озирать все окрестности. А мы с любопытством ожидали, что же будет дальше.

– А если он нас снова обманет? – спросил Мохаммед.

– Я верю ему. Он знал, что получит свободу, потому что понимал нашу речь, но не подавал вида. Думаю, что сейчас он сказал правду.

– Но если все же это произойдет, эмир, я клятвенно обещаю, что первая пуля будет адресована ему.

– Тогда он ее заслужит!

И Линдсей тоже не питал особых иллюзий.

– Мистер, не пускайте его к входу, мы окажемся в западне, если он нас опять предаст... Недурно было бы присмотреть за оружием и лошадьми.

Да, я взял на себя слишком большую ответственность, и на душе у меня кошки скребли, но, к счастью, развязки оставалось ждать недолго!

Мы заметили, что бebbe поднялся и стал внимательно всматриваться в даль, потом подошел к лошади и сел в седло.

– Куда? – спросил я.

– Встречу бebbe, – ответил он, – они едут. Разрешите мне их подготовить, господин!

– Давай!

Он поскакал. Мохаммед Эмин опять высказал сомнение:

– Эмир, не сделал ли ты ошибку?

– Нет, думаю, что поступил правильно. Мы заключили с ним мир, и, если я выражу ему недоверие, это будет прямой путь к вражде.

– Он был у нас в руках и мог быть нашим заложником!

– Он вернется в любом случае. Наши лошади стоят так, что мы одним махом окажемся в седлах. Держите оружие наготове!

– Как ты себе это мыслишь, эмир? Их будет много, а мы будем стрелять только в лошадей?

– Мохаммед Эмин, я говорю тебе: если бейбе предаст, мы не спасемся тем, что убьем их лошадей, я же буду первым, кто наведет ружье на всадников. Сидите спокойно, я расположусь у входа в долину. Вы же следите за мной – мое поведение обо всем вам скажет.

Я прошел с моим конем через горловину, поднялся на камни и взял штуцер в руки. Отсюда можно было видеть невдалеке довольно значительную группу всадников, окруживших человека и внимательно его слушавших. Это был брат шейха. Потом двое отделились от отряда и поехали по долине, а другие остались, где были. Я признал шейха Газала Габойю с братом и понял, что нам нечего больше бояться.

Подъехав ближе и увидев меня, он резко остановил лошадь. Выражение его обожженного солнцем лица явно не

было дружественным, а голос был почти угрожающим, когда он спросил:

– Чего ты хочешь здесь?

– Встретить тебя, – коротко отвечал я.

– Твой прием не очень-то теплый, чужестранец!

– А ты просишь у эмира из полуденных стран обращаться с тобой приветливее, когда идешь с ним на встречу?

– Человек, ты слишком горд! Почему ты сидишь на лошади?

– Потому что и ты сидишь.

– Поехали к твоим спутникам. Этот мужчина, мой брат, желает, чтобы я принял решение простить вас.

– Поехали, мои люди тоже хотели бы узнать, могут ли они простить вас или наказать.

Это было уже слишком!

– Эй ты! – вскричал он. – Вспомни, кто ты и кто мы!

– Я и так помню, – сказал я спокойно.

– Вас всего шестеро!

Я кивнул, улыбнувшись.

– А нас целое войско! Я кивнул еще раз.

– Тогда повинуйся и пропусти нас.

Я кивнул в третий раз и отъехал в сторону так, чтобы шейх и его брат смогли проехать по узкому ходу. Мы выиграли: шейх, желавший раздуть вражду вопреки воле своего брата, оказался полностью в нашей власти. Оба подъехали к моим спутникам, слезли с лошадей и уселись на землю. Я после-

довал их примеру.

– Они дружественны или враждебны, мистер? – спросил Линдсей.

– Пока не знаю. Вы хотите поучаствовать?

– Разумеется, да!

– Тогда через минуту поднимитесь с равнодушной миной.

– Хорошо, с ужасно равнодушной...

– ...и идите к входу на вахту.

– Watch-man? Прекрасно!

– Если увидите, что беббе там, снаружи, пришли в движение, позовите нас.

– Я крикну как следует!

– А если кто-то из этих двоих захочет выйти без моего разрешения, стреляйте в него.

– Тогда я возьму свою старушку. Я Дэвид Линдсей, и я не промахнусь. Да уж!

Оба беббе, конечно же, слышали этот разговор.

– Почему вы говорите на иностранном языке? – с подозрением спросил шейх.

– Потому что этот смелый эмир из полуночной страны понимает только язык своего народа, – ответил я, указывая на Линдсея.

– Смелый? Ты действительно думаешь, что он самый смелый среди вас? – Он пренебрежительно махнул рукой. – Вы ведь бежали от нас!

– Твоя правда, шейх, – возразил я, смеясь, – мы дважды

бежали от вас, потому как мы мудрее и мужественнее вас. Ни один беббе не в силах сладить с посланцем полуночных стран.

– Человек, ты хочешь оскорбить меня?

– Газаль Габойя, пусть твоя душа пребудет в покое, чтобы глаз был острым. Ты приехал к нам, чтобы говорить о мире. Если ты хочешь добиться успеха, прошу тебя быть вежливее, чем раньше. Нас всего несколько, а вас, как ты сам говоришь, целое войско, но это войско так и не смогло нас захватить. Это стыд или честь? Не из трусости отказываемся мы от боя с вами, а оттого, что хотим сберечь ваши жизни.

– Чужеземец, ты лжешь! – вскричал он.

– Ты так считаешь? Твой человек был в полной моей власти на моем коне; твой брат был нашим пленником; а когда мы были в твоём лагере, освобождали наших людей, твоя жизнь была в наших руках. Мы не тронули вас и впредь не хотим трогать, зная, что ты достаточно умен, чтобы понять обстановку, в которой оказался.

– Я ее понимаю. Это положение победителя. Я жду, что вы принесете свои извинения и вернете все, что награбили у нас.

– Шейх, ты заблуждаешься, ибо ты находишься в положении побежденного. И не мы, а ты должен приносить извинения, причем немедленно!

Беббе уставился на меня, от изумления не в состоянии вымолвить ни слова. Потом рассмеялся.

– Чужеземец, ты что, считаешь беббе собаками, а меня, их шейха, – ублюдком? Я пришел к вам по просьбе моего брата, чтобы определить степень вашей вины. Наказание ваше будет мягким. Дух вражды снова витает между нами, и вы должны понимать, что достаточно одного моего слова, чтобы стереть вас в порошок.

– Отдай же такой приказ, шейх Газаль Габойя, – ответил я холодно.

Тут впервые подал голос его брат:

– Этот чужеземец из полуночной страны – мой друг, он спас меня от позора и смерти! Я дал ему слово, что между нами будет мир, и я должен сдержать слово!

– Держи, если сможешь обойтись без меня.

– Беббе никогда не нарушает обещаний. Я останусь на стороне моего защитника, пока он в опасности, и я еще посмотрю, как члены нашего племени осмелятся напасть на людей, находящихся под моей защитой.

– Твоя защита – это не защита племени. Твое безумие станет твоим несчастьем, ты погибнешь с этими людьми.

Шейх поднялся и направился к лошади.

– Это твое окончательное решение? – спросил брат.

– Да. Если ты останешься здесь, я ничего не смогу для тебя сделать, кроме разве что приказа не стрелять в тебя.

– Этот приказ не имеет смысла. Я убью каждого, кто будет угрожать моему другу, даже если этим человеком окажешься ты, а потом пусть убивают и меня.

– Делай что хочешь! Аллах пожелал, чтобы ты потерял рассудок, пусть он охраняет тебя, раз уж я не смог этого сделать. Я ухожу!

Он сел на лошадь и собрался уезжать. Но тут Линдсей вскинул ружье и наставил прямо в грудь шейха.

– Стой, старичок! – произнес он. – Слезай, или я немножко застрелю тебя. Да!

Шейх повернулся ко мне и спросил:

– Что хочет этот человек?

– Застрелить тебя, – спокойно ответил я, – ибо я еще не разрешил тебе покидать это место.

По суровому выражению моего лица он понял, что я не шучу. Видел он и то, что англичанин держит руку на спуске. Он снова повернулся и гневно закричал:

– Чужеземец, ты обманщик!

– Шейх, еще раз повтори это слово – я дам знак часовому и ты труп!

– Но ты ведешь себя предательски! Я прибыл как посланник своего племени и должен беспрепятственно вернуться назад.

– Ты не посланник, а предводитель своего племени, право посредника за тобой не закреплено.

– А ты знаешь, что такое право народа?

– Я-то знаю, но тебе это неизвестно. Может, ты когда-нибудь слышал об этом, но твой дух еще не вырос до этого. Право, о котором ты говоришь, включает честность в борьбе,

предусматривает предупреждение противника о том, что ты нападешь на него. Сделал ли ты так? Нет. Ты напал на нас как разбойник, как стервятник, терзающий голубку. И после этого удивляешься, что тебя считают разбойником? Ты пришел к нам, поскольку считаешь нас трусами, но правда совсем иная. Ты покинешь это место, когда я этого захочу. Если захочешь сделать это сам, это будет стоить тебе жизни. Слезай с лошади и садись сюда. И не забудь, что я жду от тебя учтивости и смерть твоя нам не нужна – она последует, только если беббе нападут первыми.

Он нехотя повиновался моему приказу, но все же не преминул заметить:

– Мои люди отомстят за меня!

– Мы не боимся твоей мести, и ты знаешь это и еще узнаешь. Давай лучше вспомним о том поводе, который привел тебя к нам. Говори, шейх Газаль Габойя, давай разберемся.

– Вы наши враги, ибо примкнули к беджат, чтобы ограбить нас.

– Это заблуждение. Беджат встретились с нами, когда мы расположились лагерем на ночлег, и их шейх Хайдар Мирлам пригласил нас к себе в гости. Он сказал нам, что собирается на праздник к джаиф, и мы поверили ему. Если бы мы знали, что он собирается напасть на вас, мы бы к нему не примкнули. Он забрал ваш скот, когда мы спали, а когда я разузнал об этом, то высказал ему все, что об этом думаю. Ты же напал на нас, хотя мы не боялись вас, а только избега-

ли боя, пытаясь доказать, что мы невиновны. А ты тем временем не оставлял нас в покое. Я пришел в твой лагерь, забрал пленных, вы не потеряли ни одного человека, хотя в лагере можно было устроить настоящую бойню. Вы стали на нас охотиться, мы поймали твоего брата, но с него не упал ни один волосок. Подумай, шейх, ведь мы отнеслись к тебе не как враги, а как друзья! А вместо благодарности ты адресуешь нам злые слова и оскорбления! Вместо того чтобы попросить прощения, ты заставляешь нас сделать это. Аллах рассудит нас! Мы тебя не боимся!

Он слушал меня вполуха и ответил на мою речь так:

– Твое повествование было долгим, чужеземец, и все, что ты поведал, – ложь.

– Докажи!

– Это нетрудно сделать. Беджат – наши враги. Вы были при них. Значит, и вы наши враги. Когда мои люди преследовали вас, вы убили их лошадей. Это дружба?

– А дружба ли то, что вы нас преследовали?

– Ты заморочил мне голову. Ты бьешь по лицу храбрейших моих воинов, сбрасываешь их с коней как надоедливых червей. Это дружба?

– Ты напал на меня, поэтому я ответил тем же! Твои храбрые воины пытались меня унижить, и я показал им, что они против меня черви.

– Твои удары по лицу были величайшим оскорблением! Униженный требует твоей крови!

– Мои удары не оскорбление, а честь для него, поскольку ты еще разрешил ему бороться на твоей стороне. Если ему нужна моя кровь, может приходить и забирать ее.

– И наконец, вчера вечером ты украл лучших наших лошадей. Это дружба?

– Я забрал у вас этих лошадей, потому что вы застрелили наших. Все твои обвинения фальшивы и безосновательны. У нас нет ни времени, ни терпения испытывать свои нервы. Скажи коротко, чего ты хочешь, и мы тут же дадим тебе наш ответ.

Шейх начал:

– Я требую, чтобы вы пошли с нами...

– Дальше! – прервал я его.

– Вы передадите нам ваших лошадей, ваше оружие и все, что у вас есть...

– Дальше!

– Ты извинишься перед человеком, которого ударил...

– Дальше!

– Потом можете ехать, куда хотите.

– Это все?

– Да, ты видишь – я краток.

– Из чего должно состоять мое извинение?

– Из слов, которые мы определим. Я надеюсь, ты примешь мои условия?

– Нет. Не вы, а мы должны требовать у вас. И желание твое безосновательно. Как я могу возмещать вам убытки, когда

вы отняли у нас все? Я прошу вас отпустить нас подобру-поздорову, вам же будет лучше. Не забудь, что ты находишься в моих руках!

– Ты что, дашь меня убить?!

– Не убить, а застрелить, как только беббе выкажут малейшую враждебность по отношению к нам.

– Они за меня отомстят, я вам уже говорил.

– Они не отомстят, а только навредят себе. Посмотри, шейх, в этой винтовке двадцать пять пуль, а в ружье – две. В каждом из двух револьверов – по шесть зарядов, а в твоих пистолетах, которые ты видишь здесь, в моей сумке, – по два. Так что всего сорок два, это без перезарядки. Мои спутники вооружены не хуже, и к тому же мы находимся в таком месте, куда одновременно не войдут и два человека. Все твои люди погибнут, даже не ранив ни одного нашего. Внемли мне и своему брату. Оставь нас, дай нам уехать!

– Чтобы меня обсмеяли и насмехались до конца дней? Откуда в винтовке так много пуль? Я не верю.

– Я не обманываю. Силадары (оружейники) полуденной страны лучше ваших. Посмотри сюда!

Я показал ему устройство штуцера и револьвера, и его озабоченное лицо означало, что я выбрал верную тактику.

– Аллах велик, – бормотал он. – Отчего он не дал своим правоверным детям власть над таким искусством?

– Аллах велик потому, что он дает такое оружие в руки благоразумных людей... Что ты решил?

– Господин, я видел ваше оружие, оно лучше нашего, но мы все равно его не боимся. И тем не менее я прошу оказать нам милость и дать то, что мы потребуем.

– Что тебе нужно?

– Шесть наших лошадей, забранных у нас, плюс твоего вороного. Кроме того, это ружье с двадцатью пятью пулями и два револьвера с шестью, и мои собственные, украденные из палатки. И больше ничего.

– Ты не получишь своих лошадей, ибо убил наших, мой жеребец тоже тебе не достанется – он стоит тысячи ваших коней. И оружие мое мне нужно самому, а чтобы показать тебе, что я настроен миролюбиво, ты вернешь себе свои пистолеты и ружье, при условии, что оставишь нас в покое.

– Подумай, чужеземец, что ты говоришь...

Он застыл, потому как снаружи грянул выстрел, еще один, еще и еще. Я повернулся к англичанину:

– Что там, сэр?

– Доян! – ответил он.

От этого слова я как наэлектризованный бросился к проходу. Это была моя борзая. Курды устроили на нее настоящую охоту, но пес был достаточно умен, чтобы обогнуть охотников стороной. Доян был таким измученным, усталым, что маленькие проворные лошадки беббе без труда настигали его. Пес был в опасности, его могли застрелить. Я прыгнул к коню.

– Шейх Газаль Габойя, сейчас ты сам убедишься, что за

оружие у эмира из полуночной страны. Но бойся заходить за проход. Ты мой пленник – напоминаю тебе об этом!

Я сел на коня.

– Куда, сиди? – спросил Халеф.

– Спасать собаку.

– Я с тобой.

– Нет, останься. Следи за беббе, чтобы не сбежали.

Я выскочил на равнину и поднятой рукой дал курдам знак отпустить Дояна. Они видели это, но не послушались. Пес тоже заметил меня и, вместо того чтобы обежать их по дуге, припустился ко мне напрямую. Этот путь приводил его прямо в руки преследователей. Мне вовсе не хотелось отдавать своего друга на растерзание врагу. Поэтому я на расстоянии выстрела остановил коня. По моему знаку он стал как вкопанный. Я прицелился и двумя выстрелами бросил в траву двух самых ближних к Дояну курдских лошадей. Он, невредимый, кинулся ко мне, а курды поднимали дикий крик. От радости пес запрыгнул ко мне на лошадь, но я тут же спихнул его обратно.

– Бураджа! Бураджа! (Сюда! Сюда!) – слышал я крики у входа в долину.

Это кричал шейх, пытавшийся воспользоваться созданным положением и ускользнуть. Курды услышали его, пришпорили коней и рванулись в его сторону. Я кинулся в ту же сторону и увидел такую картину: у входа в ущелье на земле лежал шейх, а Халеф и англичанин пытались связать

его. Его брат индифферентно стоял поодаль.

– Эмир, пощади моего брата! – попросил он.

– Если ты приглядишь за шейхом, – ответил я.

– Я выполню это, господин!

Я соскочил с коня и приказал всем лечь на землю под скалами.

– Стреляйте только по лошадям!

– Так ты держишь слово, эмир? – гневно спросил Мохаммед Эмин.

– Брат шейха ведет себя честно. Итак, первый залп по лошадям, а потом посмотрим!

Бегбе находились как раз на расстоянии выстрела. Я разрядил оба ствола двустволки и взялся за штуцер. Выстрелы прозвучали – и еще раз.

– Они падают! – закричал англичанин. – Пять, шесть, девять лошадей! Да!

Он поднялся из своего укрытия, чтобы, как и другие, перезарядить ружья. Даже Алло, угольщик, сделал выстрел из ружья шейха. Он был виноват в том, что один из бегбе был ранен, пули же остальных попали куда надо.

Первый залп заставил курдов замедлить свою скачку. Второй остановил их.

– Come on! Вперед! – кричал Линдсей. – Выходим! Убьем этих собачьих мучителей!

Он ухватил ружье за дуло и хотел в самом деле броситься на курдов. Я остановил его.

– Вы что, с ума сошли, сэр? Хотите лишиться своего чудесного патентованного носа? Оставайтесь там, где стоите!

– Но почему? Отличный же момент. Пошли, мистер!

– Бессмысленно! Здесь безопаснее, а там – нет.

– Безопаснее? Хм! Тогда лежите на канаве и предавайтесь дреме. Глупо! Глупо упускать этих парней. Да!

– Только спокойнее. Видите – они поворачивают! Они получили хороший урок и теперь подумают над ним.

Урок! Он стоил всего пары лошадей... Тут мне положил на плечо руку брат шейха.

– Эмир, – сказал он, – я благодарен тебе. Ты ведь мог убить многих из них, больше, чем там лежит лошадей, но ты ведь этого не сделал! Ты христианин, но Аллах защитит тебя!

– Но ты видишь, что наше оружие превосходит ваше?

– Вижу.

– Тогда пойді к бейбе и расскажи им об этом.

– Я непременно сделаю это. Но что случится с шейхом?

– Он остается здесь. Даю тебе пятнадцать минут. Если ты не вернешься за это время с мирным посольством, шейх повиснет на вот этом суку. Постарайся не мешкать – я уже устал от этой бесполезной драки.

– А если я принесу с собой мир?

– Тогда я сразу же освобожу шейха.

– А как с тем, что он у тебя выпрашивал?

– Ничего не получит.

– И даже ружье и пистолеты?

– Нет. Он виновен в том нападении, которое мы только что отбили, и снисхождения пусть не ждет. Мы победители. Делай что хочешь!

Он ушел, а я снова зарядил свои ружья. Пес лег у меня в ногах и вилял хвостом от радости, хотя от усталости язык почти вывалился у него из пасти.

– Как ты думаешь, эмир, загрыз ли он того часового, на которого бросился тогда?

– Надеюсь, нет. Думаю, Доян его отпустил, когда ему надоело – ведь он провел на часовом всю вторую половину дня и всю ночь. Бедное животное устало. Халеф, дай ему поесть. А воду ему дадим попозже.

Шейх, связанный, лежал на земле и молчал, но его глаза следили за каждым нашим движением. По всему было видно, что он никогда не станет нашим союзником.

Мы с волнением ждали ответа от курдов. Они столпились в одном месте и по бурной жестикуляции было заметно, что спор идет жаркий. Наконец наш посол вернулся.

– Я принес мир, эмир, – сообщил он.

– На каких условиях?

– Условий нет.

– Такого я не ожидал, ты старательно потрудился. Я благодарю тебя!

– Пойми вначале, прежде чем благодарить меня, господин. Хотя я и принес тебе мир, но эти беббе не идут ни на

какие условия!

– А, и это вы называете миром? Ладно. Скажи им, что я забираю твоего брата, их шейха, с собой в качестве заложника.

– И сколько ты будешь его держать у себя?

– Столько, сколько мне захочется. Столько, сколько мне понадобится, чтобы понять, что вы нас оставили в покое. А потом отпущу его живым и невредимым.

– Я верю тебе. Позволь сообщить это моим братьям.

– Иди к ним и прикажи им скакать к горам, окружающим равнину. Если я увижу, что они возвращаются, – шейх умрет.

Он уехал, и вскоре мы увидели, как курды сели на лошадей и потянулись на север. Сам он вернулся за своей лошадью.

– Эмир, – обратился он ко мне. – Я был твоим пленником. Ты предоставляешь мне свободу?

– Да, ты мой друг. Вот, возьми пистолеты брата. Не ему, а тебе я их возвращаю. Ружье же останется собственностью мужчины, которому я его подарил.

Он подождал, пока связанного шейха не водрузили на лошадь. Потом помахал рукой:

– Живи долго, господин! Аллах да благословит твои руки и ноги! Ты берешь с собой человека, который стал тебе и мне врагом, но все же я прошу о снисхождении для него, ибо это сын моего отца.

Он долго смотрел нам вслед, пока мы не исчезли. Шейх же даже не удостоил его взглядом — ясно было, что они стали заклятыми врагами.

Мы двинулись на юг. Халеф и Алло поместили шейха между собой, и мы ехали практически молча. Я заметил, что мои действия за последние два дня не вызывали у моих спутников большого восторга. Открыто об этом почти ничего не говорилось, но я видел это по их взглядам, лицам и поведению. Хотя мне легче было бы стерпеть открытое выражение недовольства, чем молчаливые упреки.

Да и природа вокруг была какая-то мрачная. Мы ехали мимо гор, голых ущелий, а вечером стало холодно, как зимой. Ночь, проведенная между двух неприветливых скал, не прибавила радужного настроения.

Незадолго до рассвета я, взяв ружье и оседлав вороного, направился добыть дичи. После долгих поисков удалось подстрелить несчастного барсука — он оказался моей единственной добычей. Все спутники уже поднялись. Взгляд, которым удостоил меня Халеф, подсказал мне, что за время моего отсутствия что-то стряслось. Долго ждать не пришлось. Едва я слез с лошади, Мохаммед Эмин спросил меня:

- Эмир, как долго нам терпеть здесь этого шейха?
- Если ты расположен поговорить на эту тему, удали сначала пленного, а то он понимает по-арабски не хуже своего брата.
- Алло может взять его на свое попечение.

Я последовал этому совету, отвез шейха подальше и оставил под присмотром угольщика, которому наказал получше следить за ним, и вернулся к остальным.

– Теперь нас не подслушают, – сказал Мохаммед Эмин, – и я повторяю свой вопрос: как долго мы будем нянчиться с этим бейбе?

– А почему ты об этом спрашиваешь?

– Разве у меня нет на это права, эфенди?

– У тебя есть право, и я его не оспариваю. Я хотел оставить его у нас, пока не удостоверюсь, что нас не преследуют.

– Как ты хочешь в этом убедиться?

– А вот как я рассуждаю. Мы продолжаем наш путь до полудня; вы разбиваете лагерь в определенном нами месте, я же скачу назад – и нахожу или не нахожу бейбе. Утром после завтрака я снова с вами.

– Стоит ли враг стольких усилий?

– Не враг стоит, а наша безопасность.

– А почему ты не хочешь сделать все проще?

– Как же ты мыслишь это?

– Ты знаешь, что он наш враг?

– Даже очень большой враг!

– Который и после жизни будет нам врагом?

– Обязательно.

– Который нас предавал, даже находясь в наших же руках, когда звал своих из долины, а ты в это время спасал пса...

– Это правда.

– По законам кочевых арабов он многократно заслужил смерть.

– Эти законы имеют силу здесь?

– Они действительны везде, где почитают Коран.

– Вы хотите пленного судить? Даже наверняка обговорили ему приговор? Каков же он?

– Смерть!

– Почему же вы не привели его в исполнение?

– Разве мы могли это сделать без тебя, эмир?

– У вас просто не хватило мужества сделать это без меня. Но есть ли у вас сердце судить пленного в мое отсутствие? Ох, Мохаммед Эмин, ты пошел по скользкой дорожке, и смерть пленного может стать и твоей смертью тоже!

– Как это понять?

– Да очень просто. Вот сидит мой друг Дэвид Линдсей – бей, а вот мой храбрый хаджи Халеф Омар. Как ты думаешь, разрешили бы они тебе казнить его в мое отсутствие?

– Они бы нам не мешали. Они знают, что мы сильнее.

– Это правда, вы – храбрейшие из хаддединов, но эти люди тоже не ведали страха. А как ты думаешь, что бы я сделал, увидев последствия ваших действий?

– Ты бы уже ничего не изменил.

– Да, это правда, но последовала бы другая смерть – ваша. Я бы воткнул ваш нож в землю и боролся бы с вами уже как мститель того, кого вы убили. Аллах знает, удалось бы вам победить меня.

– Эмир, давай не будем об этом. Ты видишь, мы всегда спрашиваем тебя, прежде чем что-то делать. Шейх заслужил смерть, давай же об этом посоветуемся!

– Советоваться? Разве я не обещал его брату, что мы не тронем его, если нас не станут преследовать?

– То было опрометчивое обещание. Ты дал его, не спросив нас. Ты что, наш шейх, раз позволяешь себе действовать совсем без нашего участия?

Это был выпад, которого я не ожидал. Я немного собрался с мыслями, а потом сказал:

– Да, вы правы, я действовал, не советуясь ни с кем. Но это случилось не потому, что я возомнил себя высшим существом, а из других побуждений. Вы не понимаете курдского языка, и я был единственным, кто мог с ними разговаривать. Мог ли я переводить вам все наши разговоры? Разве в такой обстановке мыслимо обговаривать каждый шаг, каждое слово со своими спутниками, не говорящими на этом языке? Это явно не было бы нам всем на пользу.

– С тех пор как мы повстречались с беджат, твои советы ни разу не были хороши.

– Я с этим не согласился бы, хотя оспаривать ничего не буду. Я не Аллах, а человек, и мне свойственно ошибаться. В свое время вы доверили мне руководство над вами; теперь я вижу, что доверие растворилось, и я добровольно складываю полномочия. Мохаммед Эмин, ты самый старый из нас и тебе по праву принадлежит право командования.

Этого они не ожидали, но последняя фраза весьма польстила старому хаддедину.

– Это твое твердое решение, эмир? И ты действительно считаешь, что я могу стать вашим предводителем?

– Да, ты так же умен, как и мужествен.

– Я благодарю тебя! Но я не знаю языка курдов.

– Я буду твоим переводчиком.

Этот славный человек не понимал, что из-за особых отношений в нашем небольшом сообществе не представлялось возможным держать руководство в одних руках.

– И потом, – продолжил я, – придем же мы когда-нибудь в области, где говорят по-арабски.

– А остальные согласны с твоим предложением? – спросил Мохаммед.

– Хаджи Халеф Омар сделает все, как я, а англичанина сейчас спрошу.

Когда я рассказал Линдсею суть вопроса, он сухо возразил:

– Не делайте ошибок, мистер! У хаддединов что-то имеется за пазухой, мы для них слишком гуманны! Да.

– Они хотят учинить правосудие. Но все ли захотят признать шейха Мохаммеда? Знает ли он дорогу?

– Да уж. В таком случае я выберу проводником обычную кукушку. Я англичанин и поступаю как мне вздумается.

– Мне передать ему это?

– Скажите, и вообще скажите все, что думаете. Меня

вполне устроит и то, что и этот угольщик станет маэстро.

Я передал все Хаддедину:

– Дэвид Линдсей согласен. Ему все равно, кто предводитель – ты или Алло-угольщик. Он эмир из Инглистана, и его право делать все что он захочет.

Мохаммед Эмин недовольно сдвинул брови – его главенство в самом начале уже дало трещину.

– Тот, кто мне доверяет, будет мной доволен, – произнес он. – Только теперь давайте поговорим о беббе. Он заслужил смерть. Итак, пуля или удавка?

– Ни то и ни другое. Я уже говорил тебе, что поручился за его жизнь словом.

– Эмир, оно не стоит уже ничего, так как я стал предводителем. То, что я скажу, будет выполнено!

– Да, верно, но когда согласны остальные. Я не позволю, чтобы мое слово было нарушено!

– Эфенди!

– Шейх Мохаммед Эмин!

Тут маленький Халеф вынул один из своих пистолетов и спросил меня:

– Сиди, может быть, надо кому-то прострелить голову? Именем Аллаха, я исполню все мгновенно!

– Хаджи Халеф Омар, отложи оружие, мы ведь друзья. Хотя хаддедины, кажется, об этом забывают, – ответил я спокойно.

– Господин, мы не забываем, – попытался защищаться

Амад эль-Гандур, – но и ты не должен забывать, что ты – христианин, находящийся в обществе правоверных мусульман. Здесь действуют законы Корана, и христианин не должен мешать проводить их в жизнь. Ты защитил брата этого шейха, а его самого мы уж не упустим. Почему ты нам приказывал стрелять только в лошадей? Разве мы мальчишки, носящие детские игрушки? Почему мы должны щадить предателей? Учение, которое ты проповедуешь, еще будет стоять тебе жизни!

– Молчи, Амад эль-Гандур, ты сам еще ребенок, хотя и носишь имя, означающее «герой». Сначала стань настоящим мужчиной, а потом говори!

– Господин, – вскричал он гневно, – я мужчина!

– Нет. Если бы ты был мужчиной, ты бы знал, что таковой никогда не нарушит данного обещания!

– Ты его и не нарушишь, беббе будем наказывать мы.

– Я запрещаю это.

– А я приказываю! – закричал Мохаммед Эмин и в гнев вскочил.

– Разве ты здесь повелеваешь? – спросил я.

– А разве ты здесь запрещаешь? – ответил он вопросом.

– Да. Слово, данное мною, дает мне такое право.

– Твое слово на нас не распространяется. Мы позволяли себе подчиняться человеку, который любит наших врагов. Ты забыл, что я для тебя сделал. Я принял тебя как гостя, я защищал тебя, я дал тебе коня, стоившего половину моей

жизни. Ты неблагодарный!

Я почувствовал, как кровь отлила у меня от лица и рука потянулась к кинжалу, но мне удалось сдержаться.

– Забери свои слова обратно, – холодно процедил я, поднимаясь.

Я дал знак Халефу и пошел к месту, где лежал пленный шейх под охраной Алло. Там я сел. Минуту спустя там же уселся англичанин.

– Что нового, мистер? – спросил он. – Да они, похоже, сдурели. Скажите, в кого надо стрелять, – я мигом!

– В того, кто попытается притронуться к пленному.

– А кто это?

– Хаддедины. Шейх Мохаммед бросил мне, что я неблагодарный. Я верну ему вороного!

– Вороного? Вы с ума сошли, мистер, отдавать такое животное, после того как оно стало вашим! Надеюсь, все еще уладится!

Тут подошел Халеф, ведя двух лошадей – одна была его собственная, а другая – та, которую я забрал у беббе. На ней было седло вороного. У моего маленького хаджи в глазах стояли слезы и голос дрожал, когда он произнес:

– Ты правильно поступил, господин. Шайтан попутал хаддединов. Забрать плеть и вернуть его им?

– Я прощаю его. Давай собираться.

– Сиди, а что мы будем делать, если они все же захотят убить шейха?

– Мы застрелим их сразу же.

– Это мне по душе. Аллах накажет их!

Пленника снова привязали к его лошади, и мы сели верхом – я, конечно же, не на вороного, а на Бледного Лиса, которого в Германии назвали бы «четырёхсотталерным жеребцом». Маленький караван тронулся в путь и проехал мимо хаддединов, сидевших в траве. Может, до этого они думали, что все еще обойдется. Но когда поняли, что намерения мои тверды, они вскочили.

– Эмир, куда ты? – спросил Мохаммед Эмин.

– Куда-нибудь, – ответил я коротко.

– Без нас?

– Как вам заблагорассудится!

– А где вороной?

– Там, где он привязан!

– Машалла, он ведь твой!

– Он снова твой. Салам! Мир тебе!

Я пришпорил лошадь, и мы поехали рысью. Не проехали мы и английской мили, как увидели этих двоих. Они ехали за нами. Амад эль-Гандур скакал на вороном, а своего вел на поводу. Но жеребца обратно я ни за что бы не забрал.

Мохаммед Эмин подъехал с моей стороны, а сын остался чуть сзади.

– Я думал, что я буду предводителем, эмир... – начал он.

– Нам нужен проводник, а не тиран!

– Я хочу наказать бейбе, который взял в плен меня и моего

сына. Тебе-то я что сделал?

– Мохаммед Эмин, ты потерял любовь и внимание со стороны трех человек, которые жертвовали ради ваших жизней своим здоровьем и до сегодняшнего дня могли пойти за вас на смерть.

– Эфенди, прости нас!

– Нет.

– Возьми назад жеребца.

– Никогда!

– Ты хочешь опозорить мою седую бороду?

– Как раз она-то вместе с преклонным возрастом должна была подсказать тебе, что злость до добра не доводит. – И что же, теперь все дети бени-арабов будут рассказывать, что шейх хаддединов забрал обратно подарок, который вручал, не зная, что делает?

– Пусть рассказывают!

– Ты жесток, эмир, ты ниспосылаешь позор на мою голову!

– Ты сам этого захотел. Ты был моим другом. Тебе это не понадобилось. Теперь можешь возвращаться к своим с жеребцом в придачу.

– Тебе надо забрать его обратно.

– Я бы сделал это для тебя, но сейчас это уже невозможно.

Взгляни назад!

Он повернул голову.

– Я ничего не вижу. О чем ты, эмир?

– Разве ты не видишь, что у вороного уже есть владелец?

– Я понял теперь, эфенди. Амад эль-Гандур сойдет с коня.

– Я не возьму его. Сын твой надел свое седло и взнуздал животное – это уже знак, что коня у меня забрали. Если бы ты вернул мне его в таком же виде, без седла и прочего, я бы еще подумал. Амад эль-Гандур бросил тут мне, что я христианин и соответственно действую, он же – мусульманин, но действует не соответственно, ибо он сел на коня, чью спину попирает неверный! Расскажи об этом своим знакомым правоверным!

– Аллах-иль-Аллах! Какую ошибку мы совершили! Старый шейх вызывал у меня жалость, но я ничем не мог ему помочь. Мог ли я обрушить позор на свою голову, чтобы освободить его от угрызений совести? Я не мог ничего такого придумать. Наверное, его протест долго зрел в нем и наконец выплыл наружу. Беббе оказался последней каплей. И хотя потеря вороного была для меня большой травмой, я не собирался жертвовать дорогими мне принципами ради кровавых привычек этих номадов.

Хаддедин долго ехал молча рядом со мной. Наконец спросил нерешительно:

– Отчего ты сердишься на меня?

– Я не сержусь на тебя, Мохаммед Эмин, но меня поражает, что твое сердце жаждет крови того, кого простил твой друг.

– Ладно, я исправлю свою ошибку!

Он развернулся. За мной следом ехали англичанин с Халефом, за ними – Алло с пленным, а замыкал шествие Амад эль-Гандур. Я не стал поворачиваться, полагая, что Эмин хочет поговорить с сыном, Халеф и Линдсей тоже не оборачивались. Мы сделали это, только когда услышали крик хаддедина:

– Скачи назад и будь свободен!

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он перерезал пути пленника, который сразу же схватил поводья, чтобы пустить лошадь галопом.

– Шейх Мохаммед, что ты наделал! – закричал Халеф.

– Гром и молнии, бывает же такое с людьми, – проговорил англичанин.

– Я правильно поступил, эмир? – спросил Мохаммед.

– Ты действовал как мальчишка! – сказал я.

– Я лишь выполнял твою волю! – оправдался он.

– Кто тебе сказал, что я собираюсь так быстро отпустить его на волю? Выкуп потерян, теперь мы снова в опасности.

– Да простит его Аллах! Давайте пустимся в погоню за беббе!

– Мы его не догоним, – вразумил его я. – Наши лошади за ним не угонятся, разве что вороной.

– Амад, за ним! – крикнул Мохаммед Эмин сыну. – Верни его назад или убей!

Амад повернул коня и помчался назад. Шагов через пятьсот жеребец заупрявился, однако Амад был не из тех, ко-

го удавалось обмануть норовистым жеребцам. И вот он уже ускакал. Конечно, мы поехали за ним. Обогнув скалу, мы снова увидели Амада. Он продолжал сражаться с жеребцом, но на этот раз вороной все же вышиб парня из седла и вернулся пустой, подошел ко мне и, фыркая, положил красивую голову мне на бедро.

– Аллах Акбар! – сказал Халеф. – Он дает лошади сердце лучшее, чем некоторым людям. Как жаль, сиди, что твоя честь не позволяет тебе взять его обратно!

Хаддедину пришлось несладко, он с трудом поднялся, но, когда я его осмотрел, оказалось, что обошлось без повреждений.

– Этот жеребец настоящий шайтан, – сказал он. – Раньше-то он меня носил!

– Ты забыл, что после этого он носил меня, – объяснил я, – и теперь он подпускает только тех, кого я разрешаю.

– Я больше ни за что не сяду на этого шайтана!

– Ты умно поступал, что раньше не садился на него. Если бы я сидел в этом седле, шейх от вас не ушел бы.

– Так садись, эмир, и скачи за ним! – попросил Эмин.

– Не надо меня принуждать!

– Но тогда беббе уйдет!

– Пусть так будет, но виноват в этом будешь ты!

– Ну и ерунда! – подал голос англичанин. – Глупая история, как неприятно! Да!

– Что же делать, сиди? – спросил Халеф. – Снова встре-

чатся с беббе?

– Да ничего. Я бы послал за ним своего пса, но он слишком дорог мне.

Надо было ставить какие-то точки в этой истории. Я подошел к хаддединам и поинтересовался:

– Вы сегодня поутру, когда я охотился на барсука, обсуждали в присутствии шейха Габойи наш маршрут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.